

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

GR 190

.A 22

FKL

ALFANAS'EV

**НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.**

Afanas'ev, A. M. Narodnyia russkifa legendy. (Russian Folk Legends.) 237 pp. 8vo. Half leather.

Moscow, 1859.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

СОБРАННЫЯ

А. Н. АФАНАСЬЕВЫМЪ.

Aleksandr Nikolaevich Afanasev

Издание Н. Щепкина и К. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб. сер.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

408318

GR190
A22

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 4 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Наумовъ.*

УПРАВЛЕНИЕ

ВЪ

1859

1

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легендъ*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вносить въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятія юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріаль для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обра- тилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою раз- умѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заим- ствованный матеріалъ передается далеко не въ совер- шенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе под- чиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противупо- ложны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совер- шаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не ука- жетъ несостоятельности подобной связи. Такъ воз- никли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсю древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угод- никовъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что- то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйстви- тельнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двое- вѣрнымъ*.

Если они и уцѣляли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтического творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мифовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событий, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣхъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоять да смотреть. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперъ видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Быль-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашелъ житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали разыскать такого человѣка изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; та-

¹⁾ Терещенко: Быть русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у нѣмцевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о *пчелѣ* (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой помнитъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «къмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперъ у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣлъ, чужимъ не корыстовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

с) Ивановской свѣтащійся жукъ *керсница* (*kersnica*) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщаль колыбель святаго младенца. ¹⁾

d) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами ²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряють, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескулонъ.

бала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походить на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подъ вліяніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

е) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая *лошадь* всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а *волъ* не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ нищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ *трески*, произошли отъ того, что апостоль Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?» — *Свинья* съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

¹⁾ Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. ¹⁾

б) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, наѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отныни и до вика!» Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблю и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣда и кукушку.

і) Въ Норвегіи существуетъ разсказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. *Volksmärchen*, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготавлила хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

¹⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

ХІІ

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестокосердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. ¹⁾

Русскіе поселяне также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надобдая людямъ, жалобно проситъ пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегii разумѣтся rothhaubichte Schwarzspecht.

²⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жида увидали Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ рассказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умерь, умерь! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробьѣ рассказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣтъ въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Даля, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посѣвамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

этотъ жареный каплунъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ произшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гумманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастію, вложенное въ человѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христось на небеса,
 Расплакалась нищая братія,
 Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
 «Ужъ ты истинный Христось, царь небесный!

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзіи, стр. 85.

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?

Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться, обуваться?»

— Не плачте вы, бѣдные, убогіе!

Дамъ я вамъ гору да золотую,

Дамъ я вамъ рѣку да медвяную...

Тутъ возговорить Иванъ да Богословець:

«Вѣдь ты, истинный Христось да царь небесный!

Не давай ты имъ горы золотыя,

Не давай ты имъ рѣки медвяныя;

Сильные-богатые отнимуть:

Много тутъ будетъ убійства,

Тутъ много будетъ кровопролитья.

Ты дай имъ свое святое имя;

Тебя будутъ поминати,

Тебя будутъ величати:

Будутъ они сыты да и пьяны ¹⁾,

Будутъ и обуты, и одѣты».

Тутъ возговорилъ Христось да царь небесный:

«Ты Иванъ да Богословець,

Ты Иванъ да Злотоустой!

Ты умѣлъ слово сказати,

Умѣлъ слово разсудити»... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель вмѣстѣ съ апостолами и теперъ, какъ нѣкогда — во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя страннической видъ убогаго; испытуюя людское милосердіе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносимъ благодарность П. А. Безсонову.

пыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ¹⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речеть Царь сущымъ одесную его: приидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоите мя, странень бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣтите мене, въ темницѣ бѣхъ — и приидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща — и напитахомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и придохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речеть имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

¹⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78.)

1. КТО МЕНЬШЕ ЖЕЛАЕТЪ, ТОМУ БОЛЬШЕ ДАЕТСЯ.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотреть, какъ живутъ братья, и если плохо — то надѣлать ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ Божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго, и подойдя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Этотъ сорвалъ изъ своей доли, подаль ему и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И этотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подаль, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ и ушелъ. Когда настала чередъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлать ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подаль ему, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Когда настала четвертый день, ангелъ сдѣлался монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ всѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. «Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ». Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому, бурливому потоку; «чего бы ты желалъ?» спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: «чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино, и досталось бы мнѣ». Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей — и вмѣсто воды потекло вино: тутъ приготавливаютъ бочки, тутъ вино наливаютъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ старшему брату, и

оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ средняго брата: «чего ты желалъ?» — Чтобы всё это были овцы, и принадлежали бы мнѣ. — Ангелъ Божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ — и намѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доятъ, другія молоко разливаютъ, третьи снимаютъ сливки, инныя сыръ дѣлаютъ, инныя масло топятъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ; взялъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по полю, и спросилъ: «а тебѣ чего-бъ хотѣлось?» — Мнѣ ничего другаго не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказалъ ангелъ: «о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ — сейчасъ къ царю просить у него невѣсту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: «какъ-же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищіе передъ ними?» — «А знаете-ли что?» сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невѣста возьметъ три лозы и посадить ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую хочетъ; на чьей лозѣ будетъ поутру гроздь, за того пускай и выйдетъ замужъ.» Всѣ на то согласились; царевна посадила въ саду три лозы, и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдняка гроздь. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обвѣнчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ лѣсъ и оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлой годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: «пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ сироты; если въ нуждѣ, надѣли

ихъ больше». Ангелъ спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виномъ, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ — и полился потокъ, какъ прежде, водою. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Затѣмъ удалился оттуда ангелъ; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овцы прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле — и намѣсто овецъ вспорхнули голуби. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Послѣ того пошелъ ангелъ къ младшему брату посмотрѣть, какъ онъ живетъ; приходитъ — а онъ съ своей женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангелъ попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали упрасивать не поставить имъ того въ вину, что не могутъ угостить его такъ, какъ бы желали: «мы люди бѣдные!» говорили они. «Ничего, отвѣчалъ ангелъ; я доволенъ и тѣмъ, чтò есть.» Что будешь дѣлать? мукѣ у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящій хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготавливали хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь — готово ли? а передъ ними настоящій хлѣбъ, и такой славной, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женою возблагодарили Бога: «слава тебѣ, Господи! чтò можемъ угостить странника». Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить — а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангелъ перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и на

томъ самомъ мѣстѣ сталъ царской дворець, а въ немъ всего много. Ангелъ благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и прожили они счастливо весь свой вѣкъ. ¹⁾

2. ХРИСТОСЪ - СТРАННИКЪ.

а) Однажды Христосъ и апостоль Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему идти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отправился въ самой чѣмъ ни есть богатой домъ. «Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлеги!» думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получилъ онъ точно такой-же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. «Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ» сказалъ Господь, и оба вошли въ хижину. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. «Ну, хорошо мы будемъ приняты, подумалъ Петръ; у бабы у самой нѣтъ ничего!» Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: «если вы не побрезгаете тѣмъ, что есть у меня, — я очень рада васъ угостить». Господь былъ всемъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно-жиренъ; она охотно бы приготовила его

¹⁾ Српске народне приповијетке, стр. 99—103.

жирнѣ, да масла нѣтъ. «Петръ, сказалъ Спаситель, считай *глазки* ¹⁾, что въ супѣ плавають!» Апостолъ сосчиталъ глазки; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали собираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели, — Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазкѡвъ, и подарилъ ихъ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатой домъ за молокомъ, чтобы изготавить странникамъ хорошій завтракъ, и рассказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазкѡвъ. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она сама желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много и супъ можетъ быть изготавленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: «пойдемъ, Петръ!» Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирной-жирной супъ. «Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она; то какъ-же заплатятъ за хорошій!» — «Петръ, сказалъ Господь, считай глазки, что въ супѣ плавають». — «О Господи!» воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, «супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобы ты вознаградилъ ее вдвое больше». Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе: «сколько глазкѡвъ, столько и золотыхъ!»

1) Плавающіе поверхъ кружки растопленнаго масла.

Дордгою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сказалъ: «Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣли, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе стодитъ, чѣмъ вкусной супъ богатой крестьянки».

в) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами вышелъ изъ богатаго дома. «О чемъ ты плачешь, старикъ?» спросилъ Господь. — «О Господи! жаловался нищій, я голодень и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплею; всѣ мнѣ отказываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удѣлить на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!»

Господь велѣлъ ему обождать, и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ вязали коноплю, чтобы потѣмъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. «Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: «мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія я не кину работы!» Господь удалился, и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, къ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: «попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!» Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нищаго. Съ того времени приходится бабамъ дважды дергать коноплю: сначала посконь

(der männliche Hanf), а послѣ ту, что семена приносить (Saathanf). ¹⁾

3. НАГРАДА И НАКАЗАНИЕ.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другаго только три. Бѣдный сказалъ богатому: «позволь моимъ овцамъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!» Самъ-же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на поле къ сосѣдскому стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатаго мужика другой овцы; этотъ опять приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. «Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатаго сосѣда возьмутъ у меня и эту послѣднюю; лучше убраться мнѣ, пока есть

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mährer und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig, стр. 90—92.

время!» Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко, далеко на высокую гору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овцѣ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдной самъ себѣ: «пойду— посмотрю, что дѣлаютъ мои овцы и мальчикъ!» Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: «двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ». Бѣдной сталъ жаловаться; «гдѣ я теперь его найду?» говорилъ онъ; но тотчасъ-же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? «Да, я знаю; я отправляюсь туда, и охотно возьму тебя съ собой!» Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгновеніе перенесъ на гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдной мужикъ обрадовался, увидя сына и услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу. «Мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть; потому что эта овца составляетъ все наше богатство!»

Черезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христось и св. Петръ. «Мы издалека пришли, сказалъ Христось, и такъ утомлены, такъ голодны, что конечно должны умереть, если не достанемъ скорѣхъ хотя немного мяса.» Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: «я могу вамъ пособить!» Онъ быстро отправился, взялъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей доброй

кусокъ жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. Послѣ угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ собралъ всѣ кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ всѣ они вмѣстѣ легли спать. Раннимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ; благословили бѣдняка и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записку, въ которой было сказано: «все принадлежитъ бѣдному и его сыну!» Три собаки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдной не могъ скрыть своей радости и счастья, и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотреть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось рассказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду; «если такъ, думалъ онъ, то я вскорѣ долженъ получить еще болѣе!» Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ странниковъ и нищихъ, перебилъ всѣхъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ всѣ кости: въ шкуру каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра высчитывалъ, сколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо; но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шевелилась. А! подумалъ богатой, такъ я знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и нищія! «Эй, вы бродяги, уберите-ка отсюда!» Солнце уже стояло

высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократно, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятіями и утопился.

А бѣдной сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; рассказываютъ, что въ послѣдствіи сынъ его женился на одной королевнѣ. ¹⁾

—

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (вып. 1, стр. 61 — 70; вып. 2, стр. 121 — 128) напечатана нами легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ вариантъ:

4. МАРКО - БОГАТОЙ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ купецъ Марко-Богатой; казны и всякаго имѣнія было у него столько, что и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился; а нищихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немилостивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де, Марко-Богатой, и ожидай — самъ Господь будетъ къ тебѣ въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ готовить большой пиръ; весь дворъ свой выслалъ алымъ бархатомъ да золотыми парчами и по всѣмъ закоулкамъ разставилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ нищей братіи, а гнали бы въ-зашен. Вотъ собрался совсѣмъ Марко-Богатой и сѣлъ поджидать Господа: часъ ждетъ, дру-

¹⁾ Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich, Berlin, 1856, стр. 67—70.

гой ждетъ — не видать гостя. А нишіе какъ услыхали, что у Марка-Богатаго приготовленъ большой пиръ, такъ и повалили къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подаваніемъ; только батраки и прикащики никого не пропускаютъ, всѣхъ такъ и гонять въ-защег. Вотъ одинъ убогой старичокъ, древній-древній, одѣтъ весь въ рубище, и зашелъ какъ-то на Маркинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатой, закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, вы слуги мои-неслухи! али глазъ у васъ нѣту? Вишь, какой-то невѣжа по двору расхаживаетъ; чтобъ сейчасъ его не было!» Въ тужь минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и вытолкали черезъ задній дворъ. Увидала убогаго одна добрая старушка, и говорить ему: «пойдемъ ко мнѣ, нищенкой! я тебя накормлю, я тебя упокою». Привела его къ себѣ, накормила, напоила и спать уложила; а Марко-Богатой такъ и не дождался Господа! Въ самую полночь проснулась хозяйка, и слышитъ — кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: «справедный старче! ты здѣсь ночуешь?» — Здѣсь, сказала убогой. «Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ; какимъ наградишь его счастіемъ?» Отвѣчалъ убогой: «владѣть ему всею казною и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго!» На другой день убогой простился съ хозяйкою и пошелъ странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Богатому и про все ему рассказала. ¹⁾

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него мальчика: «отдай, говорить; я возьму его въ пріемыши, выростить — добру научу; а какъ стану умирать — все богатство за нимъ запишу». Говорить эти рѣчи, а въ головѣ инья

¹⁾ По другому списку: Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ попросился почевать къ одному мужику, вошелъ въ пѣзу и легъ на лавкѣ. Спустя немного заѣхалъ туда-же Марко-Богатой; увидаль убогаго, прогналъ съ лавки и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михаилъ-архан-

думки. Взялъ мальчика, поѣхалъ домой и на дорогѣ бросилъ его въ сугробъ: «пускай де замерзнетъ; тогда и увидить, какво владѣть Маркиной казною!» На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, вырастили и уму-разуму навели. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому заѣхать къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодого пріемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самый мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марко-Богатой: «сходи, говорить, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо». А въ письмѣ написалъ, чтобы его тотчасъ затравить собаками. Бѣдный пріемышъ отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогой старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій—то былъ самъ Христосъ. Онъ остановилъ путника, взялъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ ¹⁾ — какъ въ ту же минуту все сказанное въ письмѣ перемѣнилось: жена Марка-Богатаго должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочерѣ. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Воротился домой Марко-Богатой, еще пуще осерчалъ на зятя, и говорить ему: «вечеромъ де попозднѣе сходи на винокурню да посмотри за работою»; а самъ приказалъ работникамъ: какъ прійдетъ молодецъ — сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котелъ. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему попритчилось, напала на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома

гелъ, постучался, и спрашиваетъ: «Господи, Иисусе Христе! здѣсь ли ночуешь?» — Здѣсь, говоритъ Господь. «У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь; Господи, какимъ ихъ счастіемъ, какою судьбою надѣлишь?» Отвѣчалъ Господь: «пускай сынъ бѣднаго владѣетъ и дочерью я всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго».

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ: перебросилъ съ руки на руку.*

остаться. А Марко-Богатой, выждавъ время, пошелъ посмотрѣть, что сталося съ его зятемъ, и таки прямо попалъ винокурамъ въ лапы и угодилъ въ горячій котель! (Изъ собранія В. И. Даля.)

—

Подобный-же разсказъ находимъ въ изданіи: «Ungarische Volksmärchen» (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, Pesth), № 17, стр. 188 — 193. ¹⁾

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ — извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну — принадлежащую нѣмцамъ:

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христось и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одномъ домѣ такъ хорошо пѣли, что Господь остановился и заслушался: святой же Петръ отпирився далѣе. Пройдя нѣсколько

¹⁾ Въ валахскихъ сказкахъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: «Die altweibertage», въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами; наконецъ заставляетъ ее вымыть добѣла волну, снятую съ черной овцы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было; съ горя заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ее Господь. Она разсказала. «Будь послушна матери, возразилъ Спаситель; мой и усталыми руками; да будетъ Богъ съ тобой!» Принялась она снова мыть, и мало-по-малу черная волна обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она погнала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всѣмъ стадомъ.

шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христось стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христось стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся въ третій разъ, и увидѣлъ, что Христось все еще стоялъ и слушалъ. Тогда поворотилъ онъ назадъ, и подошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали они нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь; вотъ подошли къ другому дому, гдѣ также раздавалось пѣніе. Св. Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христось. «Меня то поразило, отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлась народная пѣсня, и проходишь мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи.» Тогда сказалъ ему Христось: «о мой любимой св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣніе; здѣсь-же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія». ¹⁾

6. АПОСТОЛЬ ПЕТРЪ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостоль Петръ, весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ: «какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!» Господь усмѣхнулся и сказалъ: «пусть будетъ по твоему желанію; будь Богомъ до вечера!» Между тѣмъ приблизились они къ

¹⁾ Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, ч. 2, стр. 175.

деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ на лугъ, оставила тамъ, и поспѣшила назадъ въ деревню. «Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?» спросилъ ее Петръ. — А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. «Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?» спросилъ Петръ. — Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалилась. «Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ; но вѣдь гусямъ можетъ приключиться что и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.» Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ. ¹⁾

7. ГОСПОДЬ И ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣшникъ съ большою восковою свѣчею. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщалъ, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить долѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сторбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, стр. 89—90.

потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленной, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все также безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣстилъ ему, какъ самъ обѣщалъ? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ: «Какъ? я не возвѣстилъ тебѣ? А развѣ я не ударялъ тебя сначала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напоследокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщалъ; теперь слѣдуй за мною!» Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непонятны были эти напоминанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Кротко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ: «пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!» ¹⁾

Александръ Аванасьевъ.

¹⁾ Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62. Сличъ съ № 177 во 2-мъ томѣ «Kinder- und Hausmärchen» братьевъ Гриммовъ («Die Boten des Todes»).

**НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.**

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христось видъ старичка-нищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-ать богатой говорить: «много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете...» и отказалъ на отрѣзъ.—Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники; да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тѣмная. Пусты, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою. «Ну такъ и быть! ступайте въ избу.» Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ съ своими домашними, а имъ ничего нѣ далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говорить: «пустите, мы вамъ поможемъ за нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ». —Ладно, сказала мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ пò-пусту безъ дѣла слоняться-та!—Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христось

и гутарить ¹⁾ хозяйскимъ сыновьямъ: «ну, вы разметывайте адонье ²⁾, а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадонье. «Да вы такіе-сякіе со всѣмъ дѣла не знаете!» заругались на нихъ хозяева; «зачѣмъ наложили такіе вороха?»—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣ идѣтъ, сказалъ Спаситель и зажоғъ покладенные на токѹ снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблестало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадонья. Куда! и не вѣрять! Разказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «быть не можетъ! отъ огня зерно пропадѣтъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: «пособите намъ еще денѣк-та!»—Нѣтъ, хозяйинъ, не проси; неколи, надытъ идти на работу. А старшой хозяйской сынъ потихоньку и говоритъ отцу: «не трожь ихъ, бачка; незамай идутъ. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ надытъ молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ—сгорить солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось полома на разны

¹⁾ Говорить (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44).

²⁾ Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ (ibidem, стр. 138).

постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все до гола и погорѣло!

2. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦѢ.

Када-то пришелъ Христось въ худой нищенской одѣжѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ: «ступай, ступай, отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и не далъ. Нату пору случись—мужичокъ привѣзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидаль нищаго и сжалился: «подъ сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпать ему изъ мѣшка хлѣбъ-ать; отсыпаль почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій всё свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпать?»—Да, коли будетъ ваша милость! «Ну, пожалуй!» Отсыпаль еще съ мѣрку, а нищій всё-таки подставляетъ свою кису. Отсыпаль ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зернá такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ, да я еще за помóлъ возьму; чтожь ему-то останет-ся?» Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожь, засыпаль и сталъ молоть; смотреть: ужь много прошло времени, а мука всё сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зернá-то было съ четверть, а муки намолодось четвертей двадцать, да и еще осталось чтó молоть: мука себѣ всё сыпится, да сыпится... Мужикъ не зналь, куды и собирать-то!

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

а. Давно было—странствовалъ по землѣ Христось съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христось и апостолы. Вотъ

пришли они въ одну деревню и попросились на нос(ч)легъ къ богатому мужику ¹⁾. Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краешечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молоба—не отелилась къ тому сроку. «У меня, батюшки! говорить вдова, избѣнка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!» — Ничего, какъ-нибудь упокоимся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. «Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, говорить вдова; всего-на-всего есть у меня одна махонькая краешечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтуть: все жду—вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбѣ-на соли!» — И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всё будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краешечкой хлѣбца всё напитались, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всё сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...» Переночевали Христось и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говорить вдова своей невѣсткѣ: «подь, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберѣшь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила, и несѣтъ мукѣ таки порядочную махотку (глиняный горшокъ). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говорить: «тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и подчуеъ

¹⁾ *Вариантъ:* Шелъ Христось съ 12-ю учениками, словно нищенки. Пришли они въ городъ и попросились ночевать къ богатому купцу; купецъ не пустилъ...

Спасителя и апостоловъ: «кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ...» — Спасибо, бабушка, спасибо! ¹⁾

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!» — Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неѣ корову съ телѣнкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы телѣночка: было бы у ней молочко — пропитаніе на всю семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христось и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами ²⁾. Спаситель и говоритъ: «катись, бочка, къ богатому мужику ³⁾ во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько-же послалъ Гос-

¹⁾ *Вариантъ:* Собрала вдова ужинать, и говоритъ: «я бы вамъ, родимые, блинковъ растворила, да муки нѣтути». Христось отвѣчаетъ: «посмотри, можетъ быть найдется». — Нѣтъ, батюшки вы мои! я ужъ въ ларѣ крылушкою муку повымела. «Ступай, посмотри, опять говоритъ Христось; можетъ, и найдется». Пошла вдова и видитъ: полонъ ларъ муки! откуда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а поутру встала и напекла блиновъ.

²⁾ *Вар.* съ серебромъ.

³⁾ *Вар.* къ купцу.

подь!» думаетъ про себя. Христось и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Исусе! мы пить хотимъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся.»

Апостолы пошли; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ - то срамота, тамъ - то сквернота — жабы, змѣи, лягва (лягушки)... тамъ - то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Чтожь испили водицы?» спросилъ ихъ Христось. — Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христось, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Исусе! мы пить хотимъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтеся». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ-бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студѣная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!»¹⁾ — (Всѣ три легенды записаны издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

¹⁾ *Вариантъ.* Первый колодезь приуготовленъ богатому купцу, а второй бѣдной вдовѣ.

в. Въ давніи времена ходывъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петрошъ, и уже святой Петро совсемъ обдерся ¹⁾, такъ, що й не стало на йому ньякого шматя ²⁾. А Господь каже ему: «пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни?» Отъ св. Петро пишовъ и по-кравъ повшане на тынови людськее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: «я вже укравъ шматя, алы-жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала: нехай йому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслужавъ цее, тай каже: «ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашли въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросылысь въ ней на ничъ и стали спрощуваты: «чы ныма чого у тебе поисты?» А хозяйка одвичает: «ныма въ мене ничого. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба—що одынъ окрайчыкъ на полыци». А Богъ до неи каже: «дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичает: «та ныма у мене ни якої стравы ³⁾, и ничогисынько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказавъ: «погляды лышь, молодыце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпывся добре до неи: «таки погляды въ пичь, та погляды»—отъ вона, абы витчыпытьця, иде до печи; колы заглянула туда въ пичь, ажъ тамъ богацько всякой всячыны — понаварывано разной хорошей стравы и варынухи, тай каже вона: «що це такее на свити значыть, я не топыла, ажъ богацько есть понаварывано всякой всячыны?» Отъ вона повиньмала все съ печи, и вси воны понајидалысь, тай полягали спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прійшовъ до неи. На другой день

¹⁾ Ободрался.

²⁾ Платя.

³⁾ Кушанья, ѳсты.

вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно ¹⁾ хозяйци, тай пришли дальше, и почулы воны высылне гране ²⁾; ажъ надходить воны туда, колы дыватця, а тамъ высылня у одного богатаго мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высылня, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого поїсты?» А Богъ каже: «добре. ходимъ». Отъ воны пришли туда замнсть старцивъ, буцимъ ³⁾ просыты мылостыни, а богатыи хозяйинъ теи хаты оглянувшысь до ныхъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высылныхъ гостей, богатыхъ хозяйинивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «а дай лышь тамъ старциамъ мылостыни». А жинка јого—така въ убраньи. щой куды!—закрычала сердыто: «ты гляды своихъ людей, що частуешь ⁴⁾, и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышь сыхъ дидливъ ⁵⁾, то й не будутъ черезъ ныхъ двери зачынятыця!» ⁶⁾ Дали погодывши, той хозяйинъ якъ оглянувшысь побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ ⁷⁾ добре на свою жинку,—ажъ тоди вона дала тымъ старциамъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звиттыля ⁸⁾, тай каже Богъ: «ну тай богатыи же цей чоловикъ, що мы булы въ нѣго на высылни, алы-жъ и крѣпко винъ скупый, а јого жинка ище гирше (пуще) скупища и дуже велыка злоѣдныця, та и обое воны не винють въ счастья шануватысь ⁹⁾

¹⁾ Поблагодарили усердно.

²⁾ Свадебное гулянье, веселье.

³⁾ Какъ будто (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр 21).

⁴⁾ Угощаешь (Труды общ. люб. рос. словеса., кн. VII, стр. 323).

⁵⁾ Привадишь этихъ старцевъ.

⁶⁾ Затворяться.

⁷⁾ Накричалъ.

⁸⁾ Оттуда.

⁹⁾ Держать себя.

и не хотять помогаты другимъ биднымъ людямъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пишлы шляхомъ ¹⁾ и на поли полягаль спочываты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай просыть Бога: «дай мина, Господы, що поїсты; бо я цилые сутки нычого не јивъ и дуже охлявъ ²⁾ зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорыть: «пиды, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужыча, що мы въ неи ночувалы; у неи есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъјижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы мылостивый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи послиднѣй коровы, бо вона буде гирько плакаты и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-выбудъ скотыну у того богатыря ³⁾, дѣ мы булы на высилы, бо винъ богатый чоловикъ та ще й дуже скупый». А Богъ каже: «не можно такъ! нехай возме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе ⁴⁾, бо вона на симъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а воны полягаль спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надумавъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ ⁵⁾ спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій ⁶⁾ побигъ на впереймы ⁷⁾ вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовыну корову болотомъ ⁸⁾, щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъјивъ јиу вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорйше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась

1) Дорогою.

2) Ослабѣлъ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 16).

3) Богача (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3).

4) Бѣдствуетъ.

5) Притворился будто?

6) Скорѣе.

7) Чтобы обогнать, опередить волка.

8) Т. е. грязью.

чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ будимъ ничего не знае, и каже до св. Петра и Мыколая: «а що вставляте уже, та ходышь». И тильки що хотили вони идты дальше, ажъ зновъ прибигъ до ныхъ той самыи вовкъ и каже: «ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «ну такъ изъйижъ ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничего не вдіе ¹⁾, тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ начали идты шляхомъ. Отъ идуть вони та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичае: «це катытьця бочка съ серебромъ и златомъ до того богатыря, що мы булы у него на высилы, бо такой його таланъ и така його доля; алы все його счастья буде на симъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилы-жъ съ цей бочки або зъ макитерку ²⁾ для теи бидной вдовы, дѣ мы ночувалы; въ нежъ вовкъ и послиднюю корову зъйивъ». А Богъ одвичае: «ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и начали идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: «ахъ, якъ мыви хочетца пыты!» А Богъ говорыть йому: «колысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю ³⁾. Иды туда, тай напешся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та сираго страшнаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався ⁴⁾ дуже тай насылу звиттыя

¹⁾ Не сдѣлаеть.

²⁾ Макитра—глиняной сосудъ, горшокъ.

³⁾ Колодець, родникъ.

⁴⁾ Испугался. (Словарь малор. Чужбинскаго, стр. 167).

утикъ ¹⁾). А Богъ пытае: «чого ты, Мыколаю, такъ ныначе злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху ²⁾, и мабудь ³⁾ не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «не могъ я напытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ». Отъ Богъ выслухавъ цее тай сказавъ: «ну, ходымъ же дали!» И прошлы воны дальше зъ пятыро гинъ ⁴⁾, або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходыть въ той яръ, ажъ тамъ побачывъ такой ще гиршый гадъ, та такого-жъ жога превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ шо ныначе горыть трава. И св. Мыколай завсямъ перелякався та побилывъ, и насылу велыку звиттыль утикъ, такъ ныначе на йому волосья и одежда загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху ⁵⁾ насылу рассказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, шо винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ воны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ ныначе съ садкомъ; тай Богъ каже: «ну иды-жъ, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышь—садокъ выдно, а вже тамъ певне ⁶⁾ напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скрызъ тамъ такія разнія, прихорошія, пахнючія цвѣткы та ягоды.

1) Убѣжалъ.

2) Съ испугу. (Труды общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310).

3) Можетъ быть.

4) Виѣсто: *гоней* (*гони*—мѣра разстоянія; смотри Малоросск. словарь Чужбинскаго, стр. 76).

5) Съ испугу; *лякъ*—испугъ (см. Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13).

6) Навѣрно, непримѣнно.

яблуки, хвыги, мындалы, розынкы ¹⁾ и всякая овощь, а птыцы такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занимательне, що й сказаты и прописаты не можно. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы воду пты, чы любоватыся та прыглядуватысь; напыетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрѣхы пывъ тую воду, та все разглядуваъ, и не щувся ²⁾ — що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ тры роки ³⁾, якъ ныначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ прыходыть туды Господь Богъ тай каже јому: «що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышь, що прошло тому тры роки, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пывъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслулавши цее, тай одвичае: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло переднищыхъ двохъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшенаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватысь и наслухатыця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?»—А Богъ одвичае јому: «оце-жь знай, що переднищый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшнаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно определяно для того богатыря, що мы булы у него на высильи, а другий яръ, дѣ есть еще гиршій пристрашенный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо јого жинка ище гирша видъ своего чоловика ⁴⁾; а якъ воны не вмилы въ счастіи

¹⁾ Изюмъ (Труды общ. любит. рос. словесности, кн. VII, стр. 313).

²⁾ Почувствоваъ.

³⁾ Года.

⁴⁾ Мужа.

жыты, добре шановатысь, и не хотылы помогаты біднымъ лю-
 дамъ, то за тее по смерти будутъ вично мучытьця въ тыхъ пек-
 лахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай
 довго такъ тутъ забарывся ¹⁾ черезъ тее, що тутынька дуже
 хороше, называецця рай, опредиляный для теи бідной вдовы,
 що мы въ неи ночувалы, бо вона на сямъ свити цилый вичъ
 гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и
 чествая,—то за тее по смерти буде маты въ сямъ раю вичное
 прибогатое счастье. Отъ бачъ, якъ то робытця; будь добрый
 чоловіче, не вповай на земнее счастье, та любы бідныхъ и
 старайся, небоже,—то, якъ кажуть, Богъ въ сямъ и буду-
 щимъ вичу поможе!» — (Записана въ васильковскомъ уѣздѣ,
 кіевской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

4. ИСЦѢЛЕНІЕ.

Вотъ видишь ли, скажу тваёй милости, былъ адинъ священ-
 никъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходь ли у него былъ больна
 (очень) малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што
 иное, только, слышь, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та
 быть пасправнѣ. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и
 ночь малился, и Николу миласливава прасилъ всё, кабы спра-
 вица. Ань нѣтъ—лихъ! не даётъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ
 пашолъ изъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, всё шолъ,
 и увидалъ онъ: возля дароги сидятъ двоя съ сумками, какъ и
 онъ пѣшіе—ну, знашь, присѣли атахнуть. Адинъ-атъ мало-
 динькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ.
 Адинъ-атъ, знашь, былъ самъ Христось, а другой-ятъ Ни-

¹⁾ Запѣшкался (Слов. малоросс. Чужбинскаго, стр. 7).

кола миласливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ и гаварить: «ну, братцы! вы, какъ и я-же, пѣшкомъ идѣте; кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «мы ворожецы, знахарь, и варажить умѣемъ и лѣчимъ». — Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. «Пайдемъ, гаварять ему, только матрѣй (смотри)— всё по-равну дѣлать». — Знама дѣла, што по-равну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ троя вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-ать всё у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у него съѣснова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другова дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-ать схватился прасвирачки, анъ-лихъ нѣтъ еѣ! «Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?» гаварить папу. Онъ запѣрся, сказаль: «знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апать; шли ани, шли, и пришли въ адинъ гóратъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахаръ, знашъ—Христось-ать и гаварить: «въ эвтамъ гарадѣ у багатава де барина есть бальная дочь; ниhto не смохъ еѣ излѣчить, айдáте-ка ¹⁾ мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него падъ акномъ: «пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочь». Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли еѣ и павели въ баню. Привели въ баню, и Христось-ать всеѣ еѣ разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части еѣ, взялъ и перемылъ всеѣ нá всеѣ въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ въ трѣхъ вадахъ и слажилъ еѣ всеѣ вмѣсти па прежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана пашевелилась;

¹⁾ Пойдемте. (Опытъ обл. великор: словаря, стр. 2).

сирьснулъ въ третій—ана встала. Привели её къ атцу; ана, знашь, и гаварить: «я ва всёмъ здорова па прежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваль сыто на сыто всёмъ накариль и напайлъ. Попъ ёль, ёль, насилу съ мѣста всталъ, а тѣ, знашь, Христось-ать ды Никола миласливай немношка закусили, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-ать аткрыль имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодна». Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливай другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — йльно ¹⁾ вездѣ была пълна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апять въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а попъ-ать съ деньгами шолъ-шолъ на вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другога-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «брось, брось деньги! брось, слышь, деньги! а то утонись». — Нѣтъ, гаварить; хоть утану, а ихъ не брошу. «Брось, брось деньги! а то захлебнёшься, помрѣшь.» — Нѣтъ, умру — не брошу! гаварить попъ, и каё-какъ перебрёлъ онъ съ деньгами-та черезъ рѣчку. И сѣли всѣ троя на бережокъ. Христось-ать и гаварить папу: «давай деньги-та дѣлить». А попъ не даётъ: «эвта маи деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — А угаворь-ать, сказалъ Христось, вить лутча денихъ. Вотъ попъ сталъ выкладывать свай деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили свай туды-жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-ать гаварить: «насъ де троя; каму кладешь ты ищо четвёртую

¹⁾ Такъ что (*ibidem*, стр. 74).

долю?» — Четвёртая доля таму, гаварить Христось, хто маю прасвирачку съѣлъ. «Я, слышь, её съѣлъ!» патхвятиль попъ. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ усмѣхнулись. «Ну, кади ты маю прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ и маю вазьми себѣ-же», гаварить Христось. «И маю, слышь, кучку вазьми себѣ», гаварить Никола миласливай. — Ну, таперь у тебя многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдѣмъ адни.

Попъ-ать взялъ всѣ деньги и пашолъ адинь. Пашолъ, знашь, и думаетъ: чѣмъ дискать мнѣ дамой иди, лутча пайду я адинь лѣчить; я таперь съумѣю — видѣлъ, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ горасть и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ, знашь, што у него есть дочь бальная, и ниhto её не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Онъ, знашь, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вылѣчить! Вотъ выпрасилъ онъ большой нош(ж)ъ вострай, и павѣлъ бальную въ баню, и началъ её рѣзать на части: знашь, видѣлъ — какъ Христось-ать рѣзалъ. Только нука кричатъ эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышь, не кричи, будишь здарова!» Вотъ изрѣзалъ её за-мертво на части, и началъ её перемывать въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ былъ па прежняму; анъ-лихъ не складываетца ана па прежняму. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ—анъ, слышь, ана не срастаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третій — всё, знашь, бѣзъ толку. «Ну, бѣда мая! прапалъ я таперь! угажу на виселицу, либа матрай въ Сибирь на катаргу!» Началъ плакать и малитца Богу и Николѣ миласливаму, штоп(б)ъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видить въ акошка, што

идутъ къ нему въ баню тѣ знахари: молодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «батюшки май! будьте атцы радные! Взаяся я лѣчить па вашему, ды не выходитъ...» А эвти знахари апять, знашь, были Христось и Никола миласливай. Взашли, усмѣхнулись и гаварять: «ты бѣльна скоро выучился лѣчить-та!» Вотъ Христось-ать взялъ мертваю всеё па частямъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знашь, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третій — ана встала. Вотъ попъ-ать перекрестился: «ну, слава тебѣ, Господи! уш(ж)ъ вотъ какъ рат(д)ъ — сказать нельзя!» — Вазьми, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу; ды матрай, больше не лѣчи! — крѣпко-накрѣпко наказалъ ему: а не то прападѣшь! Вотъ знахари тѣ: Христось и Никола миласливай пашли са дварѣ, а попъ-ать привѣлъ её къ атцу: «я её, слышь, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здарова па прежняму. Купецъ чука ево паить, кармить. угаваривать, штопъ астался онъ у нево-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, лошадь съ павоскай, и попъ ушъ прѣма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить. — (Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

5. ПОПЪ - ЗАВИДУЩІЕ ГЛАЗА.

Въ приходѣ святаго Николы жилъ одинъ попъ. У этого попа глаза были самые поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба, ни приюта. Собралъ нашъ попъ все ключи церковные, увидѣлъ икону Николы, съ горя ударилъ

его по плечи ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пѣлся (попался) ему на стрѣту (на встрѣчу) незнамой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вмѣстѣхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, приустиали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари». — Ладно, говоритъ ему незнамый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-послѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ.» Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ все смѣбаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣсть въ-тихомолку. Проснулся старичекъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскрѣчалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попъ. «Ну ладно!»

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстани ¹⁾. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитѣя-полбытѣя-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дѣхтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «что вы за люди? изъ

¹⁾ Розстань—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192.)

какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ надоть?» — Мы, говорятъ они, дѣхтуры; можемъ царевну вылѣчить. «Ну, коли дѣхтуры, заходите въ палату.» Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обрѣза воды, вострой сабли, большого стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избы, клали царевну на большой столъ, разсѣкали её вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунеть, такъ штука съ штукаю и склеиваются. Склалъ онъ всё штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунулъ — царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говорить: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Аминь! отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили-ль царевну?» спрашиваетъ царь. — Вылѣчили, говорятъ дѣхтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говорить дѣхтурамъ: «что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите». Вотъ они начали брать злато и серебро; старичекъ берётъ пѣсточкой ¹⁾, а пошь горсточкой и всё кладётъ въ сумку свою; покладётъ, покладётъ, да поприздымаетъ ²⁾: заберётъ ли его могутъ ³⁾. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говорить попу: «эти мы деньги въ землю складёмъ, а сами опять лѣчить пойдёмъ». Вотъ они шли, шли; дошли опять до другаго царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья-полбыття-полцарства, а не вылѣчить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палмруютсе*, дѣхтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ же рассказъ объ излѣченіи царевны.)

¹⁾ Щепоткой, тремя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

²⁾ Да приподниметь (*ibidem*, стр. 177).

³⁾ Возьметъ ли его сила (*ibidem*, стр. 114).

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщаль тому, кто ее вылѣчить, полжителя-полбытия-полцарства, а не вылѣчить—голова съ плечъ на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ-бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходитъ попь, *палируется*, дѣхтуромъ называется. Такимъ-же образомъ просить у царя особой избы, обрѣза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни крычала, какъ ни визжала, попь, не глядя ни на крыжъ, ни на визгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрѣзъ, мылъ, полоскалъ, складалъ штука къ штукѣ, также какъ дѣлалъ старичекъ: глядитъ, какъ будутъ склеиваться всѣ штуки. Какъ дунетъ—такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ—хуже того! Вотъ попь ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ—всѣ нѣтъ ничего! «Ахти *милыциньки!* думаетъ попь, бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дѣхтура; всѣ тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дѣхтура въ петлю. Взмолился нашъ попь: «царь, вольной человекъ! оставь меня на мало время; я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчить царевну». Побѣгъ попь старичка искать; нашелъ старичка, и говорить: «старичекъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помогите мнѣ!» Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повели попа въ петлю. Старичекъ говорить попу: «попь, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели его на другую ступеньку. Старичекъ говорить попу: «попь, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели на третью, опять: не я! Сейчасъ голову въ петлю, и всѣ: не

я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говоритъ царю: «царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля, и попу петля!» Вотъ старичекъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штуку, дунуль—и царевна встала жива и здрава. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдѣмъ же, попь, деньги дѣлать», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «какъ-же! насъ двое, кому-же третья-то часть?»—А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. «Я съѣлъ, старичекъ! вскричалъ попь; право я, ей Богу я!»—Ну на тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плешу,—сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ¹⁾. — (Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Н. Борясовымъ.)

6. ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты—банкетъ²⁾, а бѣдны ницъ (ничего) не мѣу. Приходзицъ да багатаго дзѣдъ и просицца на начъ, дый каже: «гаспдарокъ (хозяинъ), мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене на начъ?» Ионъ ницъ не дау ямѣ, да й гордо атказау: «у мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдные, ни падарожные; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи у тую хату, што небамъ покрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдные, убогіе и падарожные, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!» Старикъ

¹⁾ *Вариантъ*: «Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прошибъ ты мнѣ голову!»

²⁾ Пиръ (т. е. заесть).

каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пакажы, гдзѣ тая хата, што небамъ накрыта?» Гаспадаръ вышоу паказываць: «да вонъ дзѣ тая хата небамъ накрыта, гдзѣ начуюць бѣдныя, убогія и падарожныя; тамъ и цебе пусьцяць.» Даць дзѣдъ паглядзіу (поглядзіл) гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго нá начъ и каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене нá начъ». — Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогія, бѣдныя и падарожныя. «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ.» Даць іонъ каже: «дзѣдку! у мене паставиць нима гдзѣ, и сѣна нима, чаго даць яму ѣсць». Дзѣдъ каже: «я-бъ на дварѣ паставіу, кастрыцы ¹⁾ падкінуу, даць и будзе ѣсць!» Даць бѣдны павіоу каня и паставіу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзіу, каже: «дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво» ²⁾. Гаспадаръ зачау яму дзякаваць ³⁾, и каже да жонки: «жонко! возміомъ и вывазімъ хату». И вывазіли хату ⁴⁾.

Апяць прышоу дзѣдъ нá начъ, даць той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узіау ізноу паглядзіу таго каня па галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуса бѣднымъ. (Записана въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.)

¹⁾ Труха, остающаяся послѣ льна и конопля. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 91.)

²⁾ На бѣдность, сиротство.

³⁾ Благодарить (Этнограф. сборн., вып. 2-й, стр. 116).

⁴⁾ Т. е. навозили лѣсу на новую избу. — Объясняя эту легенду, г. Дмитріевъ говоритъ: «На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго являлся самъ Господь) во второй разъ приходитъ къ бѣдняку, гладитъ подареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себѣ и дѣтямъ своимъ гордиться, и велитъ всегда помогать бѣднымъ.»

7. ПИВО И ХЛѢБЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ, и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ въ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скудный его во всемъ окологдѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избѣнкѣ съ женою и думаетъ: «что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелѣхонько. «Господи! говорить, прости меня грѣшнаго; и масла-та купить нѣ на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погода приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «здравствуй, хозяинъ!» — Здорово, старичекъ! «Нельзя-ль у тебя переночевать?» — Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду.» Съѣлъ старикъ на лавку и говорить: «что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ запечалился?» — Эхъ,

старина! отвѣчаетъ хозяинъ; какъ не тужить мнѣ? вотъ далъ Богъ — дождались мы праздника, люди добрые стануть радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хотъ шаромъ покати, — кругомъ пусто! «Ну, что-жъ! говорить старикъ, пойди къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо.» — Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ! «Ступай! пристаеъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ.» — Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. «Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ съ-разу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и просить въ заѣмъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. «Что-жъ ты прежде-та думалъ! говорить ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего на всего одна ночь осталась.» — Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понёсъ домой. Воротился и рассказалъ, какъ и что было. «Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ и у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?» — Есть, говорить мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною.» Вышли они на дворъ, и прямо къ колодезю. «Высынай-ка сюда!» говорить старикъ. — Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ должонъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду сму-

тимъ. «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ, была вода въ колодезѣ, сдѣлайся за ночь пивомъ!... Теперь, хозяинъ, пойдѣмъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь.» Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнѣхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмѣльное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «Начто тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. — Оченно, говорить, нужно; нѣ во что пива сливать. Вздивовались сосѣди: что такое значить! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопчечеть! — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнѣхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похмѣльное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(й)-ка зайдемъ, посмотримъ, на какѹ это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; оченно показалось имъ это пиво: «отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и зачалъ просить бѣднаго: «научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣло самое про-

стое, — какъ принёсъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за ночь пивомъ! «Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю.» Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой чѣмъ ни есть лучшей солодъ и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и впёрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ поллучше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ: какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только суцая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику, и спрашиваетъ: «послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-ать нынѣшнимъ годомъ?» — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ! «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдимъ на поле да и поѣдемъ.» — Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной; вѣдь на дворѣ зима трескучая! «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воротился и говоритъ старику: «все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на поле, розыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты

съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ повѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ серѣдь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются съ него — да и только: «эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну хорошо; дождался весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли и пошли зеленые всходы. «Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается.» Приходить на свою полосу, смотреть, а тамъ такіе всходы, что душа ни нарадуется! на чужихъ десятинахъ и вполонину не такъ хороши. «Слава тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправлюсь.» Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочеть съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ серѣдь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдитъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купить что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «да(й)-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ которой сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна красна; пошелъ богатой на поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! много издержалъ я на семена—всѣ нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни паха-

но, ни съяно — а хлѣбъ самъ собой ростеть! Должно быть я — великой грѣшникъ!» (Изъ собранія В. И. Даля.)

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищею братіей, хотъ и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищей, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: «лучше, говоритъ, соansom разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одѣжонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горить. «Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говоритъ, — вонъ ступай по той дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прощель немного — и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прощель еще немного — и видитъ: дѣвѣицы изъ колодца въ колодець воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ

онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ онѣ дальше — и видитъ тынѣ, а подѣ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онѣ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень рассказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. «За что-жъ, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвицы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперъ весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ всё равно — хотъ тынѣ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подѣ тыномъ. Потомъ повѣлъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйдти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повѣлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онѣ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приносить ко Христу. «Ну, говоритъ онѣ, тывилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудилися за свою мать — вытащи ее изъ ада.» Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей, Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалася и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и

туть воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду
вѣки вѣчны!» (Доставлена отъ П. В. Кирѣвскаго.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳедорѣ,
При царикѣ было, при Софее,
Породила она Ѳедору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царища Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царища Мартемьянища
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
 Не добре Егорія топоры берутъ,
 У топоровъ лезвѣя посломалися
 Отъ святаго тѣла Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 Святому Егорію глаголуеть:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголуеть:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
 Не добре Егорія смола беретъ,
 И поверхъ смолы Егорій плаваеть,
 Самъ стихи поеть херувимскіе,
 Онъ гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во пилахъ пилить.
 Не добре Егорія пилахъ берутъ,
 У пилъ зубья поломалися

Отъ святаго тѣла отъ Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
 Ставить на плиты на чугуныя, на каленыя.
 Не добре Егорія сапоги берутъ,
 Въ сапогахъ стоитъ —
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 А гласы гласитъ все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 Святому Егорію глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокіе —
 Длины погребъ сорокъ сажень,
 Ширины погребъ тридцать сажень,
 Глубины погребъ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокой погребъ,

А самъ собака приговариваетъ:
 «Не бывать Егорію на святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слышать Егорію будетъ звону колокольнаго,
 Не слышать Егорію будетъ четья, пѣтья ¹⁾ цер-
 ковнаго!»

Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
 Задвигалъ онъ досками чугунными,
 Засыпалъ онъ песками рудожолтыми.
 Какъ по Божию повелѣнію, по Егорьеву умоленію
 Подымались вѣтры буйные со святой Руси,
 Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожолтые,
 Раздвигали доски чугунные,
 Разметали щиты всѣ дубовые.
 Выходитъ Егорій на святую Русь,
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ — онъ пусть стоитъ;
 Однѣ церкви!... и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная:
 Во той во церкви его матушка,
 Святая Софѣя премудрая,
 На святыхъ иконы Богу молится;
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты бери себѣ коня сиваго
 Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхихъ,

¹⁾ Чтенія и пѣнья.

Поѣзжай ты во чисто поле.»
 Святой Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 Еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ лѣса на дремучіе, —
 Древо съ дровомъ соввалося,
 Къ сырой земли(ѣ) приклонялося.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, лѣса темные,
 Лѣса темные и дремучіе!
 Разойдитесь лѣса по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись лѣса по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
 Гора съ горою сойдется, не разойдется.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, горы толкучія!
 Разойдитесь горы по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 Ужь вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись горы по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
 Разойдитесь звѣри по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись звѣри по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на змѣиное,
 На змѣиное, на звѣриное, —
 Пасутъ то стадо три пастыря,
 Три милыя сѣстры.
 Не добре Егорию лѣзя проѣхати;
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
 Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое ¹⁾,
 И побилъ онъ все стадо змѣиное,
 Все змѣиное, все звѣриное;
 А самъ говорить таково слово:
 «Охъ вы гой еси, три пастыря,
 Три милыя сѣстры!
 Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ

¹⁾ За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два:
 Строгалъ онъ во стружачи, во мелкіе,
 Обратилися стружачи — калены стрѣлы.

И купайтеся во Иорданѣ-рѣкѣ;
 Набралися всѣ вы духа нечистаго,
 Духа нечистаго, босурманскаго.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
 На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
 Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
 Не добре Егорію лъзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
 Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А ты вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.
 Полети-жь ты, птица, на сини моря,
 Пей и ѣшь повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное,
 И дѣтей води на синѣмъ морѣ.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На того злодѣя-цѣрища Мартемьянища;
 Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
 Закричалъ онъ собака по звѣриному,
 Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
 Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
 Поразилъ онъ тута цѣрища Мартемьянища.
 Потопила Егорія кровь жидовская,

Кровь жидовская, босурманская;
 По колѣна во кровѣ(и) стоять —
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
 Приими въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.»
 Разступилася матушка сыра земля
 На двѣ стороны, на четыре четверти,
 Пожрала въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.
 Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
 Отъ грѣховъ своихъ очистился.
 Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣ-
 ковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. И. Даля; записана въ Сорокинской при-
 стани, екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи.)

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Давно было; жилъ-былъ мужикъ. Николинъ день всегда
 почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работатъ станеть;
 Николѣ-угоднику и молебень отслужить, и свѣчку поста-
 вить, а про Илью-пророка и думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой по-
 лемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрять — на
 нивѣ зеленѣ стоятъ такія славныя, что душа ни нарадуется.
 «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и
 мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной; Бога помнить
 и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...» — А вотъ
 посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! Какъ

спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать. — Пospорили-пospорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «продай, говорить, поскорѣ ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, всё градомъ повыбьетъ». Бросился мужикъ къ попу: «не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая нужда въ деньгахъ прилучилась, что вынь да положи! Купи, отецъ! за дешёво отдамъ». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ пожемъ сръзала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говорить Илья: «посмотри, какво разорилъ я мужиково поле!» — Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. «Какъ попа?» — Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всё сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! «Постой-же, сказалъ Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго.» Поговорили и пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «ступай, говорить, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говорить: «вижу, батюшка, насладъ Господь Богъ несчастье на тебя—все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужъ и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.» Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межь тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой: сорной травы совсѣмъ не видать; а колосъ налился полной-полной, такъ и гвѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоять въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужъ собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья-пророкъ съ Николюю. Весело оглянѣвъ онъ все поле и говоритъ: «посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградила я попа, по вѣкъ свой не забудеть...» — Попа?! Нѣтъ, братъ! благодать-то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется. «Что ты!» — Правое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. «Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика за-разъ не вымолотить.» — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «смотри, говоритъ, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ».

Сталъ мужикъ молотить: чтò ни снопъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клети набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнѣхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николюю мимо его двора, посмотрѣлъ туда-сюда и говоритъ: «ишь какіе анбары вывелъ! что-то насыпать въ нихъ станеть?» — Они ужъ полнѣхоньки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда-же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — Эва! у него всякой снопъ далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. «Э, братъ Никола! догадался

Илья-пророкъ; это все ты мужику пересказываешь.» — Ну, вот выдумалъ; стану я пересказывать... «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — Чтожъ ты ему сдѣлаешь? «А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу.» — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: купи, говоритъ, двѣ свѣчи большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то.

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣечную. «Куда, мужичекъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай.» — А копѣечная-то свѣча на что? «Ну, эта Николѣ!» Сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смилувадся Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваючи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день, и Николинъ день. — (Записана со словъ крестьянина ярославской губерніи.)

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Му-

жикъ не узналъ его и давай просить: «помоги, родимой, возъ вытащить!» — Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, есть мнѣ когда съ вами валяндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ-же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ, батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить.» Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ — Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ; прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говоритъ. возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья. «Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. — Я былъ на землѣ; шелъ по той-же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ, отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ.» Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ высокосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

12. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей ¹⁾, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится;

¹⁾ *Вариантъ:* Жилъ-былъ бѣдной мужикъ Нестерка, а дѣтей у него шестерка.

что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый ¹⁾. «Здорово! говорить цыганъ; куды ѣдешь?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?» — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять. «Доложи и про меня Господу, говорятъ цыганъ; чѣмъ велить мнѣ питаться?» — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ, и только увидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «чтожъ доложилъ про меня?» — Нѣтъ, говоритъ Егорій. «Чтожъ такъ?» — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «доложи де про меня!» — Хорошо, сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: «дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремянѣ (стремя) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: «попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — А цыгану, говоритъ Господь, то и промыслъ, коли у кого чтѣ возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Съѣлъ Егорій на коня и приѣхалъ къ цыгану: «ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ нѣ взялъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — То-то и есть! сказалъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія выведенъ св. Петръ.

цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремѣнò — сейчасъ меня помянешь. Ну, что Господь-то сказалъ? «А то и сказалъ: коли у кого чтò возьмешь — утаишь да забожись, твое и будетъ!» — Спасибо, молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда-жь ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремѣнò.» — Какое стремѣнò? «Да ты же у меня взялъ?» — Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремѣна не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! «Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремѣна — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремѣнò и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремѣнò?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублей. «Зачѣмъ такъ дорого?» — Затѣмъ, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремѣнò; а остальные деньги напоследяхъ получишь.» — Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублей, пожалуй, я возьму, а стремѣна не отдамъ; какъ дошелъ чтò слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только прѣхалъ — сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ челвѣкомъ: «отдай, говорить, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремѣнò». Вотъ приходитъ барской челвѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — Здорово, доброй челвѣкъ! «Я привѣзъ тебѣ деньги отъ барина.» — Ну давай, коли привѣзъ. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай пить его виномъ; напоилъ дò-сыта! Какъ напоилъ дò-сыта, сталъ барской челвѣкъ собираться домой и говорить цыгану:

«давай же золотое стремянѣ». — Какое? «Да то, что барину продалъ!» — Когда продалъ? у меня никакого стремянѣ не было. «Ну, подавай назадъ деньги!» — Какія деньги? «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублей.» — Никакихъ денегъ я не видалъ, ей Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги! — Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «чтожъ ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотого стремянѣ не отдаешь?» — Да какое стремянѣ? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакаго мужика-сѣряка да было золотое стремянѣ! — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говорить, судиться.» — Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ; только подумай, какъ мнѣ съ тобой вѣхать-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одѣжу, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одѣжу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ приѣхали въ судъ; баринъ говорить: «купилъ я у этого цыгана золотое стремянѣ; онъ деньги-то забралъ, а стремянѣ не отдаетъ». А цыганъ говорить: «господа судьи! сами подумайте, откуда вѣзмется у мужика-сѣряка золотое стремянѣ? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одѣжа-то его!» — Да таки моя! закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать ¹⁾. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

¹⁾ *Вариантъ*: Только что уѣхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремянѣ да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегда у кого что ни возьметъ — а ужъ непримѣнно затанць и забожить.

13. ПЯТНИЦА.

Када-та адна баба ни пачла ¹⁾ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на неё нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входить, вишь, матушка Пятница въ-очью вѣзмъ, въ бѣломъ шумунѣ ²⁾, да сердитая такая! и шмых(г)ъ пряма къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочець ³⁾, и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! пасыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба какъ праснудась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сидя(тъ) въ ужасыи и учили вапить: «ухъ ты, акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было. Та баба слушала-слушала и ну прасить: «матушка Пятница! взмилуйся мнѣ. памилуй меня грѣшную; поставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!» И ще-жь ты думаешь? Ночью, вишь, апать прихадила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апать встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прять! — (Записана въ лишецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи сельскимъ учителемъ Елисеємъ Сабуровымъ.)

¹⁾ Не почтила.

²⁾ Женская одежда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 269).

³⁾ Мочка — прядь льна или поскони (*ibidem*, стр. 117).

14. О НОЪ ПРАВЕДНОМЪ.

Заставилъ Гасподь слипова ды бизрукыва караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспѣли яблыки, пашли духи сладкіи. «Малый, какъ-жа намъ яблыка пакушить?» — Садись вирхомъ на мине. а я пыдвизу къ яблынки. Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый ўзрилъ Бога, драгнулъ ать яблынки бѣжать. Слипой ать плечъ (овъ за плечи диржалси — вирхомъ на бизрукымъ) атарвалси. ударилси абъ земь, ды-й абмѣръ. Гасподь [приходить: «бизрукый, идѣ слипой?» — Омырыкъ яво ашибъ. Гасподь приходитъ къ слипому: «слипой, съ чаво-жъ ты абмѣръ? абманываишь ты мине, слипой! ни омырыкъ тебе ушибъ, ты съ плечей убилси съ бизрукыва!» — Абманулъ я тебе, Госпыди! прасти мине. Прастилъ слипова, ды-й пашолъ.

Сыбралсь караульщики, на вараѣхъ стаятъ. Идѣтъ дьявыль: «зрастуйти, ребята! што-жъ вы яблыкъ ни јидитя?» — Какъ-жа намъ ихъ ѣсть? у мине рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану! — А я ни найду! «Плохи-жъ вы, ребята, кады въ саду яблыкъ ни јидитя.» — Мы ни ухитримси, какъ ихъ ѣсть! «Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой падбери!» Яблынки были насажины другъ ать друга па сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтрѣсь. Слипой лѣгъ на пуза, прикаталъ усю траву — все яблыки искалъ. Ну, Гасподь приходитъ: «караульщики, хто-жъ у васъ садъ абтрѣсь?» — Вѣтирь паднялся, увесь садъ абтрѣсь! «Ать чаво-жа яблыни пазавяли?» — Ать яснава со(л)нца! «Ать чаво-жа нижни бакá папрѣли?» — Ать сильныва дожжá! «А хто-жа у васъ въ саду траву [примялъ?»

Слипой гаварить: «у мене животь балѣль, всё каталси!» — Врѣшь ты, слипой! всё абманываишь мене! Сабраль Гасподь караульщикавъ, узяль огниинны прутьи, выбилъ ихъ огниинными прутьими: «выдита, праклатыи калѣки, вонь изъ маиво саду, пабирайтиси по міру атныни да вѣку!»

Гасподь сказалъ: «дай-жа я сдѣлаю Ноя Правидныва, штобъ у маёмъ у свѣти была правда». Приставилъ сабаку голуую караулить Ноя Правидныва: «смотри-жь ты, сабака, никаво ни пушай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходить дьявыль къ сабаки: «пусти мене, сабака, Ноя Правидныва пысмастрѣть!» — Мнѣ Гасподь ни вилѣль никаво пущать. «Хотя ты ни пуцаишь мене Ноя Правидныва пысмастрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придетъ зима, придуть марозы — ни надыть тибѣ избы.» Далъ дьявыль сабаки шубу; сабака пустила дьявила пысмастрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркыль, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синій, зеленый, дурной... странно на Ноя глядѣть стало! «Штожь ты, сабака, да Ноя дьявила дапустила? штожь я тибѣ гаварилъ!» — А штожь ты мене безъ шубы приставилъ? «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила!» Взялъ Гасподь, апасли той сабаки, Ноя вывырызаль (sic): аплѣвыныя, ахдркыныя въ сирѣдку... Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки.» Евга гаварить: «Ной Правидный! ать чаво-жь эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушаимъ!» Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдились: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой, другъ ать друга схаранилси. Приходить Гасподь: «Ной Правидный! игдѣ ты?» — Я вóтынь! «Иди ка мнѣ!» — Я нагъ! Ной гаварить; Госпыди! сатвари намъ адѣжу. Вышли ани къ нему; выбилъ ихъ Гасподь огниинными прутьими, выгналь изъ саду вонь!

Выслывши изъ саду Ноя Правидныва, умилился Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраишь. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни сказывай што строишь!» Пашолъ Ной Правидный у рошу строить кавшегъ; строить годъ, строить два. Дьявыль приходитъ: «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — Развѣ ты слипой? ты видишь, што я дѣлаю! «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — И ни вѣляна тибѣ знать! Дьявыль ударился изъ роши къ Ноивый жинѣ, къ Евги: «Евга, усраси ты у мужа, што онъ дѣлаить?» А Ной Правидный жинѣ отказываить: «я такъ па роши хажу, на деревья сматрю, самъ сибѣ забавляю!» — «Ёнъ ни па роши гуляить, ёнъ што-й-та рубить!» — Я ни знаю. «Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмѣлю!» — Усхвалилъ самъ сибѣ Ной: «слава тибѣ, Госпыди! састроилъ сибѣ судно за палгода патопа». Приходитъ, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напитца?» Напилси квасу, лёгъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да мнѣ правды ни скажишь, што-й-та такая ты рабатишь?» — Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва мая; у маймѣсицы, у первымъ числѣ, будить патопа! — Атдахнумши, приходитъ Ной къ кавшегу: увесь кавшегъ дьявыль разметаль. «Экая!... пригряшилъ я дли(я) тибѣ!» Шестъ мѣсяцывъ ёнъ живо сыбиралъ ни пимши, ни їмши, и дамой ни хадилъ. Приходитъ-жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирьѣвъ у кавшегъ па парѣ, и дичи, пладовъ всякихъ». Сабралъ-жа ёнъ звирьѣвъ всякихъ, и ужовъ, и пладовъ всякихъ. «Будить, гаварить Гасподь, патопа: затопить и лѣса, и луга, и балота, и дамà! Будить патопа на двинатцать сутыкъ.» Ной забралъ всё.

Дьявыль гаварить: «Евга, какъ-жа мнѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — Я ни знаю! «Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на мине; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, паковы

страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальётсѣ увидѣ; ёнь на тебе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопнишь! Какъ ёнь тебе акаянной назавѣтъ — и я съ табой улѣзу. А датыль не лазій.» Евга глянула скрозь ноги, Ной закричалъ: «лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказалъ Ной, дьявыль какъ сигнеть (прыгнеть) у кавшегъ и паплылъ; скинулси (обратился) мышью — кавшегъ пратачилъ. Ужъ узаяль эту дыру галавой и заткнулъ, игдѣ мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутыкъ па вазморью, па этой пы патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: «палити-жа ты, чорнай воранъ, узнай есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, нашолъ падла и сталъ кливать на остроави. «Идѣ-жь ты былъ, воранъ?» — Я, гаварить, аташолъ да падла кливалъ! «Какъ-жа ты ни паслушилъ? мы тебе пасылали пысматрѣть вады; вѣдъ всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты, воранъ, какъ пень гарѣлый; будь-жа у тебе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣй!» Вѣдъ какъ воранъ даждетца дитей, выходить, выкормить, — самъ акалѣить; вѣдъ ани всѣ калѣютъ! «Лити-жь ты, голубъ; пысматри-жь ты патоны: спадаити ли, прибавляити ли?» Литалъ, литалъ голубъ; патопа сбавила на три аршина, и нашолъ ёнь такая мѣста, сухая, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли х(к)ъ пристыни.

Приходить Гасподь: «што вы живы ли усѣ?» — Слава ти, Госпыди! усѣ живы! «Выходятя-жь вонъ!» Усѣ вышли; напа-слѣдакъ дьявыль сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине ута-пить; вѣдъ я вѣтанъ! я тебе большой врагъ!» — Кали-жь ты мнѣ большой врагъ, вазьми-жь ты мине за руку. Вазьмѣтъ дья-выль Госпыда папирѣхъ руки, да ни паймаитъ — руку апу-ститъ. «Дай-жа я тебе вазьму за руку!» Какъ вазьмѣтъ Гас-подь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хоть мень-шой братъ!» — все, вишь, у братья лѣзить. «Лѣзь-жа ты,

меньшой братъ, у моря, дастанъ земли горсть: давай землю засивать.» Ани прибились х(к)ъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзъ дьявыль въ моря, схватилъ земли горсть, да ни вытащилъ — всё размыла! Разъ слѣзъ, другой, третій слѣзъ... у четвёртай полѣзъ. «Братъ, гаварить Господь, скажи: Госпыди Исусъ Христосъ!» Сказалъ дьявыль: Госпыди Исусъ Христосъ! нырнулъ въ моря и вытащилъ земли у горсти съ макавыхъ два зирна. «Лѣзъ-жа ищо, этой земли мала!» — Пастой-жа, гаварить самъ сибѣ дьявыль, я запаху сибѣ за щипу земли: што Господь будить дѣлать, я сибѣ тожа сдѣлаю. Взялъ Господь перехрастилси, кинулъ землю на три стораны: сдѣлалиси па взморью луга, лѣса, рощи... ровна! «Госпыди, а штожь за маи труды, какая будить угроженія?» — Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можетъ, тебе будутъ хвалити, мне поминати; я и тѣмъ буду даволинъ.

«Ну, Ной, живи на землѣ, радися, пладися!» — Госпыди, скоро-жь ать мне ать аднаво бѣлый свѣтъ нарадитца? Господь гаварить: «ты мужика свалѣй изъ глины, а гасподь изъ пшенишныва изъ тѣста». Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: ать Варонижа да нашива сила всё аднадворцевъ и.

«Госпыди, я насилѣлъ народу ать Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемьдесятъ вѣреть. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я распладилъ многа!» Господь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «живитя, вотъ вамъ избы!» — Госпыди, на чомъ-жа намъ работать? Далъ Господь лошадь. «Да чѣмъ-жа јиѣ абратать?» Господь свизалъ обрыть ¹⁾, свизалъ хамуть. Вотъ сперва сыбралось чилавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть (обружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лошадь

¹⁾ Мочальная или веревочная узда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 135).

ды загнать въ хамуть, а тамъ обрыть вздернуть; стали впририди, растапырили хамуть да обрыть! Господь паймалъ лошадь, запрёгъ: «вотъ вамъ, гаварить, пзба, лошадь, упряжь; живитя да мне хвалитя! Вотъ мы таперича живёмъ да и хвалимъ живд: «слава тибѣ, Госпыди! што усё наказалъ». — (Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.)

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРОЙ.

Иисусъ Христось, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всёхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христось, самъ вы(й)ди своими мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ адѣ; какъ ему выдти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завёртку. Подходить къ нему маленькой чертенюкъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Свилъ Соломонъ завёртку, да и сталъ размѣрять ею въ адѣ. Чертенюкъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говоритъ Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.» Чертенюкъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и рассказалъ все дѣду своему сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

а. Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «что такое значить? прослужилъ я Богу и великому государю

двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пуcaютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думаль-думаль и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «куда идешь, служба?» — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ! «Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.» Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизрѣченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продасть ли кто табаку?» — Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное! «Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказалъ солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. «Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся направо, и пустился въ дорогу. Бѣжитъ нечистая сила: «что угодно, господинъ служба?» — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ пекло ¹⁾. «А что табакъ есть?» спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! «А вино есть?» — И вино есть! «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ пер-

¹⁾ *Вариантъ*: въ адъ.

цовки. Солдатъ пьетъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радёхонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить: отмѣрять сажень и вобѣтъ колышокъ¹⁾). Подскочилъ къ нему чортъ: «что ты, служба, дѣлаешь?» — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь что-ли? хочу монастырь построить²⁾). Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: «погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочеть у насъ монастырь строить!» Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: «что, говорить, ты дѣлаешь?» — Развѣ не видишь? хочу монастырь строить. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочеть монастырь у насъ построить!» — А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ при(ни)маете? «Господи! возьми его отгѣдова.» — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. «Ахти! завопилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ! Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ, какъ выскочить солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ-бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слышать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пек-

¹⁾ *Вар.* Взялъ шнуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ мѣлу, намѣлил шнуръ и сталъ размѣрять пекло.

²⁾ *Вар.* Хочу соборъ построить: придетъ табель, некуда и въ парадъ идти!

ло: «отворяйте скорѣе! кричить во все горло, ни то ворота сломаю!» — Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрѣлъ, куда глаза глядятъ. Шель-шелъ, и повстрѣчалъ Господа. «Куда идешь, служба?» — И самъ не знаю! «Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ. «Ну, становись.» Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой ¹⁾). Смерть отвѣчаетъ: «иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — Погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморить; вѣдь они старики». Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы» ²⁾). Заплакала Смерть: «за что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изошло время — воротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притаилась?» спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ ³⁾). Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, по-

¹⁾ *Вариантъ*: Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей: «смотри, приказываешь, никого не пропускай!» — Слушаю; стараго солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ. Идетъ Смерть. «Кто идетъ?» окликаетъ солдатъ. — Смерть. «Куда?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?»...

²⁾ *Вар.* Грызъ старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простоялъ.

³⁾ *Вар.* среднхъ людей.

жалуй, она братьевъ моихъ уморить!» Вышелъ и говорить Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы ¹⁾; такъ Господь приказалъ!» — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила всё молодые дубы, а какъ изшло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащить. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. — Къ Господу за повелѣнiемъ, кого морить прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: «у моихъ братьевъ есть ребятки; эдакъ, пожалуй, она ихъ уморить!» Вышелъ и говорить Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки». — За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а какъ изшло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ ²⁾. «Ну теперъ хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня накажетъ?» Солдатъ увидаль Смерть и окликаеть: «куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаеть. И подняли они такой шумъ, что Господь услыхалъ и вышелъ: «что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: всё по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — Это всё ты! сказалъ Господь солдату. «Виноватъ, Господи!» — Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ! (на плечахъ. — см. Слов. Росс. Акад.)

¹⁾ *Вар.* грызи среднiй лѣсъ.

²⁾ *Вар.* Идетъ чуть живая: только вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру и валится!

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣлать нечего — повѣзь ее на себѣ, вѣзь-вѣзь и умирался; вытащилъ рожъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно. «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище ¹⁾. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «а Смерть гдѣ?» — Со мною. «Гдѣ съ тобою?» — Вотъ здѣсь за голенищемъ. «А ну, покажи!» — Нѣтъ, Господи, не покажу, пока девять лѣтъ ни выйдетъ; шутка ли её носить на забортышкахъ! вѣдь она не легка! «Покажь, я тебя прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. «Слѣзай, коли не сжумѣла вѣдить!» сказалъ Господь. Смерть слѣзла. «Умори-же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть, слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — Чтожъ? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. — А какъ-же? спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да всё не такъ!» — На тебя и умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умирають?» — То-то и есть, что не видалъ! «Пу-

¹⁾ Вар. Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нею въ лѣсъ, и заспорилъ: «ты де не влѣзешь въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) колышкомъ, спрятавъ орѣхъ въ карманъ, и пошелъ на старое мѣсто.

сти, я тебѣ покажу.» Солдаты выскочили изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «гдѣ-же Смерть?» — Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глянулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Чтожь ты солдата не уморила?» — Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не сдѣлаешь. «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойди и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

в. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать — чужой вѣкъ сталъ заѣдать. Сверстники его по-немногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и просить у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — Я. «Кто ты?» — Смерть. «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.» Смерть рассказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А! если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь

надо-же умирать.» — Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама. «Какъ сама?» — Да такъ. Я безъ артикула ничега не привыкъ дѣлать; что начальство покажетъ: фрунтъ — что ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенець сталъ! Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «что нужно?» — Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься. «А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.» — Пойдемъ. «Подожди, мундиръ натяну.» Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. — Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еще лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ малà работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ.

Пришелъ и видить, что народу многое множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсъ, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрѣлъ искать въ аду уголка, гдѣ-бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенныя вещи лежать; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говорить: «я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ не идетъ: «мнѣ, говорить, и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиначую кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперъ до чего дожилъ? и голодень, и холодень; только и есть чтѣ три сухаря». А на встрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погода попадаетъ ему другой нищій, кланяется и проситъ мило-

стинку. Солдатъ подалъ и этому сухарь, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою, и повстрѣчалъ третьяго нищаго: кланяется ему старецъ и просить милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: «цѣлой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй, сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидить у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коѣ-какъ!» Отдалъ послѣдній сухарь, и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тебѣ помогу». — Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой. «Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь, — а я ужь награжу тебя за твою добродѣтель.» — Миѣ ничего не надо; а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: «возьми, говоритъ; съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ на тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь али птица! и все сдѣлается по твоему» ¹⁾. — Спасибо, сказалъ солдатъ, взявъ карты и торбу, и поплѣлся въ путь-дорогу.

¹⁾ *Вариантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатю апостолами. Подходить Христосъ въ нищенскомъ образѣ и просить милостину. «Чтожь тебѣ подать, старичекъ, говоритъ солдатъ; хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денежка — прими Христа ради!» Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» Апостолы говорятъ: «проси, солдатъ, царства небеснаго!» А онъ въ отвѣтъ: «я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разуму! Дай миѣ, говорить, кисеть табаку». Далъ ему Господь кисеть табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему просить у солдата милостину; отдалъ ему

Шель близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и при-
шелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся.
Вотъ солдатъ и вздумалъ: «дай-ка я торбу свою попробую!»
Вынулъ её, распахнулъ и говоритъ: «эй, вы дикіе гуси! поле-
тайте въ мою торбу.» И только выговорилъ эти слова — какъ
снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ
завязалъ торбу, поднялъ на плечѣ и пустился въ дорогу.
Шель-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и
говоритъ хозяину: «возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину,
а другаго гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй
мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да

солдатъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ
впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего
желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Не хочу жить
чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.» Далъ ему
Господь кошель съ деньгами. На третій день идетъ Христось и опять про-
ситъ у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и послѣднюю заслуженую
денежку. И въ третій разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ:
«скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ
апостолы. «Что вы учите! сердито закричалъ солдатъ; сказалъ вамъ, что не
хочу чужимъ умомъ жить — и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я
выпросилъ кисеть табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю,
сколько денегъ ни беру — все не убываетъ!» Была у солдата порожняя
сума, вотъ онъ ее ухватилъ, и говоритъ Христу: «пущай по моему слову
будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!» — Ну, пущай! сказалъ Христось, и
пошелъ съ апостолами своей дорогой.

Вариантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на
встрѣчу ему Господь съ апостоломъ Петромя. «Служивой, дай чего-нибудь
перекусить намъ!» Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третій. «Спа-
сибо!» — и пошли они въ разныя стороны. Вотъ Господь и говоритъ апо-
столу Петру: «ступай, нагони солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?»
Нагоняетъ апостолъ Петръ солдата, а солдатъ увидалъ его и кричитъ: «что,
братъ, аль за третьимъ сухаремъ идешь? У самого одинъ остался, и не
проси — не дамъ!» — Нѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога жела-
ешь? «Чего желаю? да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и
вымоглю: по Господневу слову полѣзай въ ранецъ! — чтобъ всё туда и
лѣзло.»

угощается: выпьетъ вина да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотрѣть въ окошко: стоитъ на другой сторонѣ большой дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина, что это за дворецъ и отчего пустой стоитъ?» — Да видишь, говоритъ хозяинъ, царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворецъ, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустуетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждную ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумить, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творить. Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говорить, мнѣ въ твоемъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать.» — Что ты, служба! говоритъ ему царь; Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ этомъ дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался! «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — Я-жъ тебѣ говорю: пойдетъ туда съ вечера живой человекъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ. Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворецъ. «Ну, говоритъ царь, ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю.»

Пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взялось — набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?»—Отъ чего не хотѣтъ! только чуръ играть моими картами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать.

Стали играть; разъ сыграли—солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всё деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаеть! «Постой, служивой, говорятъ черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!»—и посылають они малаго чертѣнка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужъ чертѣнокъ таскаль-таскаль, все серебро перетаскаль, и говорить старому дьяволу: «дѣдушка, больше нѣту!»—Таскай, пострѣль, золото! Вотъ онъ таскаль-таскаль золото, цѣлой уголь завалиль, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревуть: «разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — Еще посмотримъ, кто кого съѣсть! говорить солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?»—Торба, говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, ползайте въ торбу!» Только сказалъ—и ползѣли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку, на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте, провѣдайте—что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошли; приходять во дворецъ—а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живаго! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?»—Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи! Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ

железной плитой, съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говорить солдатъ, снимите эту торбу да приударьте её по кузнешному.» Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежь собой: «шъ какая тяжелая! черти—что-ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «мы батюшки! мы, родимые!» Сейчасъ положили кузнецы торбу на железную плиту и давай молотами постукивать, словно железо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть: «смилуйся! заорали; выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворець ни одинъ чортъ ни ногой. . . всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу — черти такъ и прыснули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «подавай, говорить, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровію, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, очистилъ дворець отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говорить ему царь; оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто брата почитать.» Остался солдатъ при царѣ жить ¹⁾; всего у

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жилъ-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда прикажетъ эту душу—въ рай или адъ? «Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь; она сама отказалась отъ царства небеснаго!» Посадили солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осмотрѣлся и видитъ: висятъ кругомъ котлы съ горячею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежещутъ зубами. Обступили солдата черти: «ну, служивой, пора и тебѣ въ котель отправляться!»—Вы меня

него вдоволь, денегъ курь не клюють, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужъ сколько лѣкарей перебивало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго чорта, что далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: «куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ

котломъ не страшайте, а давайте-ка лучше играть въ карты. «Нѣтъ, братъ, полно! мы съ тобой играть не станемъ.»—А вотъ-же врите; станете играть, только торбу вамъ показать... «Ништо она съ тобою?»—Со мною. Перепугались черти: «давай, служивой, карты!» Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. «Ну, теперъ ты здѣсь хозяинъ!» сказали ему черти. А онъ тому и радъ, повыпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги, и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. «Отпирай ворота!» кричитъ солдатъ. Апостолъ Петръ говорить: «постой, пойду у Бога спрошу.»—О чемъ-же ты прежде думаешь? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: «Господи! говоритъ, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ собой изъ пекла многое множество грѣшныхъ душъ.»—Прими отъ него по счету, а самаго не пушай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскія двери и сталъ примать души—всѣ по одной. А солдатъ: «эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считай: разъ, два, три—ступай туды! разъ, два, три—и я туды!»—и полѣзъ было въ рай; апостолъ Петръ схватилъ его за руку: «нѣтъ, говоритъ, погоди! ты самъ не пожелалъ себѣ царства небеснаго, на себя и пеняй!»

Вариантъ 2: Посадили солдата въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большіе ключа и спрашиваетъ: «что это за ключи?»—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. «А тамъ что?» Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнуть... «Давай играть въ карты на эти ключи!»—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и повыпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: «служивой! куда дѣвалъ ты грѣшныя души?» Солдатъ показываетъ себѣ на грудь и говоритъ: «вотана грѣшная душа!» Побѣждалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: «ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души похѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется». И тутъ-же выгнали его изъ пекла. Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. «Кто идетъ?» спрашиваютъ солдата.—Я съ грѣшными душами. «Сюда грѣшныхъ не примаютъ; здѣсь рай!»—Знаю, что край; отъ того и не йду дааьше.....

нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «что твоей милости угодно?»—А вотъ что: захворалъ у меня сынишка, не знаешь ли—какъ-бы его вылѣчить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «поди-ка, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?» — Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непримѣнно бы померъ!» Потомъ берётъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!» Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ. и генераловъ; только посмотреть въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздороветь.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить, Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услыхалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «какъ такъ? закричалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ

онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть! говорить солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься.»—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «что это?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться—рожается, а не помираеть! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужь помирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора,—еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаеть, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощонный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ также, какъ я, мучится!—Вотъ солдатъ и сталъ думать: «видно, надобно выпустить Смерть-та; ужь пускай уморить меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силѣнъ, отмучуюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходить къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны

стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашивает солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ лёгъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «пушай, кричитъ, тебя черти уморять, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «пойду-ка я прямо въ пекло; пушай меня черти бросать въ кипучую смолу и варять до тѣхъ поръ, покуда на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всеми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «кто идетъ?»—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. «А это что у тебя?»—Торба. Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираетъ всѣ двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться».—Нѣтъ, не пушу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. «Ну, коли не пущаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельный отвѣчаетъ: «я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюда!» Сейчас велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ».—Примите ихъ въ рай, а солдата не пушайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и прика-

залъ: «смотри, какъ войдешь въ райскіе двери—сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ заимствованы изъ собранія В. И. Даля.)

17. ВИДѢНІЕ.

а. Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣтки, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣтку, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣтку, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежатъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣтку; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорѣдь (большая куча, стогъ — Оп. обл. великор. слов.) сѣна, и послышалось ему — будто какой человекъ въ сѣнѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испу-

гадся и легъ было подъ суслонъ ¹⁾ ржаной; и тутъ слышалъ голосъ, кричить: «постой, возьми меня съ собой!» Не посмалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говорить, нашелъ я разной гадъ, — отъ того, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣти дубинка, — это отъ того, что хочется ему большакѣмъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежь середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣють; у меньшого сына видѣлъ кунку, — значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететь въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонеть, да и животу тяжело; а чтѣ колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ полосы не собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьей: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полось собирай до чиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

в. Ходилъ по міру старинькой старичекъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, говорить мужикъ,

¹⁾ Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

я тебя пушу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть. «Ну, ступай!» Вошелъ старичекъ въ избу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: «поди-ка, почтенной, поужинай». Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичекъ, сказывай сказку.» — Погоди, лучше я поутру расскажу. «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночь и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а подъ полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крикаютъ. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на втораго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинь—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: «сестра! сестра! побереи меня». Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: «выдерни да вторни (воткни — *ibidem*) меня!» Легъ подъ чугуны, здѣсь кричитъ: «на бобрѣ вѣшю, на бобёръ упаду!» Пошелъ старичекъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ: «ну, сказывай сказку!» А старичекъ ему: «я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоёмъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — Это мои два ангела перепархивали! говоритъ хозяинъ. «Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала.» — Это отъ того, что они въ ссорѣ. «Глянулъ я ночью и на другаго сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула.» — Это значить, что они недружно живутъ, хочетъ жена мужа извести. «А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ.» — Это не младенецъ,

ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. «Отъ чего-же, хозяинъ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крикали?» — Отъ того, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квасъ, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ. «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричать сестра! сестра! приברי меня.» — А это вотъ что значить: сыновья мои никогда мѣтель благословясь на мѣсто не поставятъ! «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричать: выдерни, да вторни!» — Это значить, что изгорода вверхъ низомъ поставлена. «Потомъ легъ я подъ чугуны, а тамъ кричить: на бобрѣ вѣшу, на бобёръ упаду.» Хозяинъ говоритъ: «а это вотъ что — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!» — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ архангельской губерніи, а вторая въ зубцовскомъ уездѣ тверской губерніи.)

18. ПОТАНЬКА.

Одна баба не благословясь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословясь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька всё тутъ. Свиньи перепехиваютъ ево съ мѣста на мѣсто, а вырватца не мѣжеть; да чрезъ трои суд(т)ки коѣ-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «гдѣ былъ, Потанька?» — Да будь она проклятая баба! опару,

говорить, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришлоъ да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ наслу вырвался чрезъ трои судки: свиньи перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу; теперь въ жиз(н)ь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! — (Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

19. ПОБѢДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Какой-то архимандрить (в)сталъ къ заутринѣ; пришлоъ умыватца, видитъ въ рукомо(н)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «выпусти, отче! каку хонь налош(ж)ь службу — сослужу!» Архимандрить говорить: «свозишь ли меня между обѣдней и заутриной въ Ерусалимъ?» — Свoжу, отче, свoжу! Архимандрить ево выпустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ то справки, — всѣ удивились, какъ онъ скоро мок(г)ъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это. — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

а. Одинъ пустынникъ молился тридцетъ три года, и видитъ къ какому-та царю ходять дьявола на обѣдъ, ѡвкуютъ, гайка-

ють (кричатъ, кличуть), пляшуть, скачуть и иѣсни поють. Одинъ разъ Потанька хромой отсталъ отъ дьяволѣвъ; пустыникъ вышелъ да и спрашивать его: «куда вы такъ ходите?» — Да ходимъ вотъ къ такому-та царю на обѣдъ; у него всѣ стряпухи дѣлають всё не благословесь, намъ и ладно! Старику и думать, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждой день. Онъ принялъ ѣству да на тарелкахъ взялъ и написалъ, што дьявола къ нему ходять на обѣдъ каждой день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они ни вѣзмутца — всё говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустыникъ дьяволѣвъ — впередъ шли весѣлы и радостны, а назадъ идуть заунывны и печальны, и спрашивать опеть Потаньку, што они не весѣлы? Тотъ только и сказалъ: «молчи-жо! ужѣ мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видѣть послѣ того пустыникъ дьяволѣвъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ её распросилъ: какъ, откуда? тѣ - другіе разговоры, стали вищо попивать и напились, сговорились вѣнчатца; пошлы, видять — всё готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣтъ. Пустыникъ и перекрестился; дьявола отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ того опеть тридцеть три года молился, грѣхи замаливалъ! — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

в. Былъ пустыникъ, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромой отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустыникъ остановилъ хромого и спросилъ: «куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромой сказалъ: «мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы

тамъ обѣдаете. Онъ принесъ солоницу. Пустынникъ сказалъ: «когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солоницу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ «ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столѣ становили все благословясь. Послѣ того бѣсенки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромага: «ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «я только одну солоницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромага за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «дака, говорить, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсенку, говорить: «нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — Изволь, отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «поглядишь-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось (захотѣлось) ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятся-не наглядятся другъ на друга, любятся-не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсенокъ и говорить пустыннику: «смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

с. Жилъ-былъ святой пустынный, и вычиталъ онъ въ писаніи: всё, чего ни пожелаешь, и всё, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому случиться, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жъ царь и выдастъ её за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говорить: «коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынный въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустытника и сталъ сказывать ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынный и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло! «Достану: право слово, достану; только пусти! Пустынный открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынный камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынный и говорить: «не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: чтѣ ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлаетъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустытника: «вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынный съ чортомъ: «не влѣзишь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ (свищъ)! Чортъ расхвастался и влѣзь. Вотъ пустынный давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой, пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — Выпусти, коли пропоешь ангельскіе гласы! «Не смѣю, говорить нечистой; меня разорвутъ за это наши!» — Одначе пропой! — Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынный на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангели, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ, значить, простилъ его за это пѣніе. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

21. ПУСТЫННИКЪ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти проживъ, всё не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всё были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ безсчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло примался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, бѣзъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все до чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ одна сошлись они вмѣстѣ, и отправились всё трое къ одному пустыннику. Старикъ захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдетъ, а безсчастному да пьяницѣ —

долго ли имъ горе мыкать? Пришли и рассказали всё, что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старикѹ идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидить. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такіе славныя, а въ хоромахъ два попа; только подступился къ пошамъ, они ему и гуторятъ: «ступай, старичекъ, домой! какъ вернёшься — такъ и умрешь». Безсчастной увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастный, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ. да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягва, змѣи и всякая срамота! Воротился безсчастный съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному, тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословяся и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ мука вѣчная — за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: «позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говорить Смерть, чего прежде думалъ — не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго рая. И прииде ко вратамъ рая Петръ апостоль и рече: «кто талкїйся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азь ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостоль: «отыде отсюда, человекъ; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ».—Азь ес(м)ь Петръ апостоль, который имѣю(еть) ключи сего царствїя славы. «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудеи на судилище къ Каіаѣѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса назарянина?—а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ—по вся дни Божїе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него.» Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнися о семь человекѣхъ бражникѣхъ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и прииде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «кто талкїйся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему: «азь есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «отыде, человекъ, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «азь есмь царь и про-

рокъ, который сѣдѣи со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсни троичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «помниши ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голиафы (?), тогда ты слугу своего Урию на войну услабъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ человекѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И приде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «кто талкѣйся у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «отыде отсюда, человекъ; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромечный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангеліе(и), что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ письма руки своея, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человекѣ, и повелѣ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное. — (Займствована изъ рукописи XVIII-го столѣтія.)

23. ЦАРЕВИЧЬ ЕВСТАФІЙ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да во-

даться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарить их деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколотъ кражъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замѣкъ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотреть, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ накладка всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «что это за насмѣшку ты дѣлаешь?»—«Государь батюшка! говорить царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?» Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной—и здѣсь тоже; открыли деревяной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Дала.)

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТЮ.

Бысть во градѣ Олдуянѣ царь, именованъ Аггей, славенъ зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныхъ литургій и чтущу іерею святое евангеліе, егда іерей прочтя строки евангельскія, внемлетъ писано: «богати обнищаютъ, а нищія обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и възъярися, и рече царь: «писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда-жь оттолщи (?) ужастіи наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И поиде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха ¹⁾ и взя съ собою юношовъ, и погна въ слѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «уплы елень за рѣку»—и поѣде ²⁾ съ юношами во градъ свой ко царіцѣ. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаеть, и ста нагъ и весьма задумался.

¹⁾ Въ рукописи: «царь же поѣдима».

²⁾ Въ рук. прибавлено: «царь».

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пасуща воловъ и вопроша у нихъ: «братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша его: «кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «азъ есмь царь вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «окаянный человекъ! какъ ты смѣши называтися царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ю) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиша его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопрошаша его: «человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонишася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему: «или ты не нашей земли человекъ?» И сказа ему: «царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроши: «сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страхѣ томъ нача говорити: «како сей убогій ¹⁾ человекъ нарицаеть своею ми ²⁾ женою? аще сіе повѣдаеть царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутаомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а

¹⁾ Въ рукоп: «убити».

²⁾ Въ рукоп: «нарицается ея ми»

нищія обогатѣють, и каеся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь прииде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣеть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищія. Онъ же рече имъ: «возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работати не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану трудиться». Они же поимше его съ собою и даша ему суму носити. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей възплакася горько: «увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское!.. ¹⁾». Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Оилуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити ²⁾ довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разошелся, и бояра и гости все разошася, ангелъ ³⁾ въ образѣ Аггея царя прииде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаеть. «Вѣдаеш ли

¹⁾ Въ рукоп. прибавлено: «а правда».

²⁾ Въ рукоп. вставлено здѣсь: «велѣлъ».

³⁾ Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: «царь».

ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть ¹⁾.—(Изъ собранія В. И. Даля, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ шенкурскаго уѣзда, архангельской губерніи.)

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умирають праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «мы бы рады пустить тебя, старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услыхалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ выпустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе, и простился со всѣми. И въ туже ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, заплѣли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ ангелъ спрашиваетъ царя Аггея: «правду ли въ церкви поють: богатые обнищаютъ и взыскають?» Царь говоритъ: «справедливъ этотъ стихъ; каждую службу веду его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ». Ангелъ отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, рассказалъ свое похождение и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и взыскають.

похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святуя кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «иди въ такое-то село и увидишь, какъ умирають грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова болить!... ой смерть моя!...» закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

26. АНГЕЛЪ.

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! «Чтожь такъ?» Ангелъ сказалъ: «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ-же они стануть питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. — Вижу двухъ червячковъ. «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ

младенцев!» И отнял Бог у ангела крылья, и пустил его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ неѣ каменья, а самъ норовить, какъ-бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!...» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дурить, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попъ его допрашивать: «зачѣмъ де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился?» Говоритъ ему батракъ: «не на церковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ. о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной погибели». — А за что облаялъ убогаго? «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою ¹⁾».

¹⁾ *Вариантъ*: Нанялся ангелъ у мужика три года работать; выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, купилъ казачей и роздалъ нищимъ. Видитъ онъ: ѣдутъ два мальчика и упалъ лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней

Отжилъ батракъ свои три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уездѣ.)

27. КУМОВА КРОВАТЬ.

Жили-были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ онъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей.» Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возить у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали нозыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ ¹⁾ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана

и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: «скажи, человѣче, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?» — А за тѣмъ, что ради этихъ мальчи ковъ Богъ отнялъ у меня ангельскія крылья. «А зачѣмъ металъ на избу каменя?» — За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, и я отгонялъ отъ нихъ дьявола.

¹⁾ Перѣдъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155).

много на отдарье положилъ казны, и говорить свату: «ну, сватухка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ даль; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стойтъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «тащите-ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ-же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ свать и спрашиваетъ сатану: «какая это у васъ кумова кровать, чтò даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится.» Свать убоился, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говорить: «куда, кумъ, торопиться? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!» — (Записана въ саратовской губерніи; изъ собранія В. И. Дала.)

28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

а. Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы;

вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоять недалеча высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ; ужь давно стоять эта гора, никогда не видаль на ней и малаго дыма, а теперича. вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору.» Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутая! — на силу взобрался на самой верхъ. Смотрить — а тамъ стоитъ большой котель полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ-же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается; сынъ не выдержалъ, и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумала онѣ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его подчивать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся

и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна; а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну что-же, сыночекъ! говорить ему старуха, о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу.» Собрался парень, взомель на гору, смотреть: золото стоитъ въ котлѣ нетронуто, такъ и блестить! «Куды инѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть.» И послышался голосъ: «ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело воздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѣ взялъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадетъ на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дѣрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «откуда ты, доброй человекъ, и чего ищешь?» Разбойникъ рассказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложишь на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и рассказалъ

ему про все. «Хорошо, говорить скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть камня грызть зубами — и то стану дѣлать! — Взявъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттуда ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она пуститъ она отростковъ и ни выростеть отъ ней(я) яблоня. Вотъ когда выростеть отъ ней яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи.» Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, взлѣзъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, трясись теперь яблоню.» Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту-жъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

в. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привѣзъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму,

вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землю, и сталъ заклинать: «достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворитъ грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заключилъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ; пригналъ скотину на село, и рассказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «ступай, доставай кладъ!» — Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся! «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ.» — Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще приунылъ и подумалъ про себя: «стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынный его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Рассказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмо- лить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынный старѣй меня вдвое; мо-

жетъ, онъ тебѣ и скажетъ...» Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — Грѣшникъ, святѣй отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ разсказалъ про все. «Если хочешь отмалывать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною.» Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свалика эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни стануть все овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасеть годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несѣтъ — только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человекъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человекъ ѣздить?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самый человекъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью

за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою! Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповалъ. «Ахъ, что-же я надѣлалъ? говорить онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и рассказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «это за тебя мiръ умолилъ Бога!» — (Объ изъ собранiя В. И. Даля.)

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и пошелъ во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрѣлъ по водѣ; только дошелъ до ередины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подл ноги суётъ!» Петруша услышалъ такiя рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой. Богу молиться. «Какъ-же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь...» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возъ-

мись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говорить: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволь; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово.» И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволь рассказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шель-шель, цѣлыхъ три дня шель, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворець. Вотъ онъ вошелъ во дворець, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша рассказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворець. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станетъ давать тебѣ дьяволь золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возять. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шель онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадей, да и возять теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самый молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволь, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадей, живо до дому доѣдешь.» — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подаря ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возять.

«Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околѣеть!» — Все равно, подари; кроме ея, другой не возьму! Отдадь ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошадь?» — Досталъ. «Ну, доброй молодецъ, какъ придѣшь подь свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову.» Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подь свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-ать три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совѣтъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подь старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «пожалуй, говорить, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очень бѣденъ. По-

шелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню иско-
диль, никто къ нему не идетъ въ кумовья. Что дѣлать? по-
шелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ-дорогою, и
попадается ему на встрѣчу незнакомый старецъ. «Здорово,
добрый человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?» — Зо-
рово, дѣдушка! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на по-
смотрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ
души, да вотъ прилучилось какое горе: человѣкъ я бѣдной,
никто и не идетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную
вѣру. «Возьми меня.» Мужикъ несказанно тому обрадовался
и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ, ступай
теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крѣс(т)ныя
матери.» — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти.
онъ мною побрезгаетъ. «Не твоя печаль! ступай и проси. Да
смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово.» Бѣд-
ной мужикъ воротился домой, запрѣгъ лошадь и поѣхалъ въ
городъ къ богатому купцу. «Что нѣдыть?» спрашиваетъ ку-
пецъ. — Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь
дѣтище во младости на посмотрѣніе, подѣ старость на утѣше-
ніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою
дочь въ крѣс(т)ныя. «А когда у тебя крестины (крестины)?»
— Завтра утромъ. «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она
пріѣдетъ.»

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ. и
окестили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ.
Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ
сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые
учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ.
всѣхъ перегналъ! Пришла святая недѣля. Отслушалъ маль-
чикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крѣс(т)ной
матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ:
«батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крѣс(т)ной, я бы къ

нему пошелъ, похристосовался?» — Любезный сынъ, говорить они, мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слыхали. «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крѣс(т)наго.» И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говоритъ старецъ, куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! иду искать крѣс(т)наго. «Я твой крѣс(т)ной, говоритъ старикъ; пойдемъ со мною.» А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «смотри, крестникъ! по вѣмъ палатамъ гулай, не входи только въ эту дверь». Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по вѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ: отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крѣс(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду, посмотрю — что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человекъ, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай-же на землю и трудись. пока грѣховъ своихъ ни замолишь!» Указалъ ему Господь дорогу: «иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — на вѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ, и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ моготу. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ

въ воду и видѣть, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до середины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сбѣдалось ему гораздо легче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; измарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками. Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не берётъ на работу. «Чтожь ты меня не возьмешь?» — Да ты кто? «Я — Иванъ Шолудивый, садовникъ.» — Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ той яблони и говоритъ: «вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, разцвѣла и принесла такія-же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздивовался; къ вечеру рассчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводить, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву—все его видѣть.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и пали въ ноги: «не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь

говорить». — Говорите, любезныя дочери! «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выходить замужъ.» — Ладно, говоритъ царь и разослалъ по всеѣмъ царствамъ, по всеѣмъ государствамъ, чтобы со всеѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ ¹⁾). Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царевна; послѣ того пошла середняя царевна — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбирай ты!» говоритъ царь меньшей царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуешь: «ну, нарѣченный супругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: твой де мужъ какъ есть дуракъ! — Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; напалъ на то царство сильный непріятель. Собрались старшіе зятя и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свиснулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «эй ты, сивка-бурка! стань передо мною, какъ листь передъ травою!» Откуда нѣ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку.

¹⁾ Вар. «пошелъ пиръ горою.»

Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско неприятельское; воротился въ царской садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царевна и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЬ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной — черной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ.» Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Придетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой чтѣ ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходить онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту придетъ, и плюнетъ въ глаза. Прошли

цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; не въ моготу стало. «Полно, думаетъ, принимать инѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здрастуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголья таскать, да мѣха раздувать.» Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не идетъ въ кузницу — на дѣется на работника: онъ всемъ управить. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая барыня, высунуль голову изъ дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открѣывается, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съумѣешь ли?» спрашиваетъ парня. — Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. «А что стоить?» спрашиваетъ барыня. — Да всего пятьсотъ рублей. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «ступай, говоритъ, врлгтащи сюда два ушата молока»; а самоѣ барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадуюшку, сдобралъ все косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ оставилъ на нее глаза и не узнаеть своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говорить барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ — нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говорить, изъ меня молодого».—Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? «Ну, тамъ какъ знаешь!»—Я ничего не знаю. «Врѣшь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...» — Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. «Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ сьумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.» Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать; попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать мѣхами; сжегъ всего въ пепель. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ — скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадущку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня шлетъ по слову въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; по-

минайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано-сдѣлано. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «куда ведутъ тебя, хозяинъ?»—Хотятъ повѣсить, отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ сталося. «Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ будетъ и живъ, и молодъ.» Кузнецъ забожился, заклался, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу, и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ барининомъ: «стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

32. ВОЛКЪ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широко; попадается на встрѣчу волкъ и говоритъ: «Господи! мнѣ вѣсть хочется!»—Поди, сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и го-

ворить: «кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ (паспортъ), только далеко забить». — Ну, покажи! «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ.» Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; прибѣжалъ и говоритъ: «баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударитъ его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совѣшь не убилъ!» — Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портнаго. Побѣжалъ волкъ; попадается ему на встрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ.» — Погоди, дай хоть съ родными проститься. «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься.» — Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣрю: влѣзу ли еще въ тебя-то? «Смѣрай!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжить что есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорятъ; что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — Портной оторвалъ. «Гдѣ портной?» — Вонъ идетъ по дорогѣ. «Давай на-

гонять его», и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ—что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «станемъ, братцы, доставать портнаго; ты, кургузой (безхвостый), ложись подь-исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку устанимся,—авось достанемъ!» Кургузой лёгъ на-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другаго третій, все выше и выше; ужъ послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достануть! и закричалъ сверху: «ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочить изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на-земь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только ключья летять. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ¹⁾).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухой, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говорить: «старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ ростеть выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудами ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все ростеть да ростеть, и доросло до

¹⁾ Ручная мельница.

самого неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо ¹⁾). Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-ать долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы, и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «какъ намъ, старуха быть, что намъ ѣсть?»—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ни повернетъ—все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Тѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ. чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолочила: напали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ; я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услышалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй, малой! возьми-брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду»—и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ:

¹⁾ *Вариантъ*: Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ поле одну горошину. Стала она расти, росла-росла, и выросла до самого потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ; а горошина взяла расти до самого неба. Полѣзъ дѣдъ на небо....

«кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь—прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду»—и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричить: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ—золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.—(Записана издателемъ въ воронежскомъ уѣздѣ.)

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Въ изданіи Вольфа «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (т. I, вып. 1, стр. 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: «Wie Petrus dreschen sollte», но съ слѣдующимъ характеристическимъ дополненіемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоломъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня пособили ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. «Petrus wollte hinabsteigen, aber der herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem bauern die sache zu lang, er stieg mit einem stock die leiter hinauf und schlug herzhafft auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, die fremden kamen nicht. Petrus dachte indessen: «wenn er wieder kommt soll er mich nicht mehr vorn finden» und verkroch sich hinter den herrn; der bauer aber kam zum zweitenmale mit dem stock, sprach: «der vorn liegt, hat sein theil, er muss hartschlägig sein, nun gehts an den andern» — und gab dem armen Petrus ein zweites frühstück, noch kräftiger als das erste.» Слѣдуетъ чудесная молотьяба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распростились съ хозяиномъ и отправились въ свой путь, апостоль Петръ сталъ жаловаться на жестокосердіе крестьянина; «оборотись!» сказалъ ему

Господь. Въ то время они взошли на холмъ; апостолъ взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще *Zeitschrift für Deutsche Mythologie*, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1, стр. 50—54.) Подобный разсказъ можно слышать и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь вариантъ, записанный П. И. Якушкинымъ въ орловскомъ уѣздѣ:

Въ одну зимнюю ненастную ночь шель по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатью апостолами. Въ полѣ ночевать было холодно; они и постучались къ одному мужику: «пусти обогрѣться!» Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чуть свѣтъ обмолотили ему три копны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: «пора молотить, собирайтесь!» Толкнулъ и пошелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного поспать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. «Полно! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобой иду.» Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хотъ немного отдохнуть. «Будетъ съ него! молвилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперъ больше не прійдетъ.» А у самого на умѣ: «какъ прійдетъ мужикъ, опять примется за крайняго!» и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: «за что-жъ я буду бить одного крайняго? семь-ка примусь за задняго!» — и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался,

и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ; пришелъ и думаетъ: «крайнему ужъ досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ и самъ началъ просить апостоловъ, чтобъ шли помогать мужику.

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

Въ этой легендѣ замѣчательно представленіе будущей жизни, предназначенной для добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также легенду «Пустынникъ» подъ № 21.) Первыхъ ожидаетъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ пролетитъ, какъ единая минута. Тоже представленіе встрѣчаемъ и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри варианты къ легендѣ: «Христовъ братецъ»). Валахская легенда (*Walachische Märgen*, № 2) рассказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ собою Св. Дѣва. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ ее однажды Св. Дѣва. — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка. «Не одинъ день, а цѣлый годъ пробыла ты!» Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: «гдѣ ты была?» — Я пробыла одинъ часъ въ раю. «Не часъ, а три человѣческихъ жизни.» Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва, и на отвѣтъ дѣвочки: «я на мгновеніе побывала на небѣ» — замѣчаетъ: «ошибаешься. дитя! не мгновеніе, а полвѣчности пробыла ты въ жилищѣ блаженныхъ». (Сличь съ рассказомъ, напечатаннымъ въ Сербск. народ. приповіетк., № 17, стр. 113—4.) На одной лубочной картинѣ изображено сказаніе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даровалъ ему извѣдать сладость блаженства праведныхъ; Богъ услышалъ его молитву: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички; слушалъ, слушалъ, и триста

лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа. У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушался въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся — все для него было ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается чудо, какъ Господь одною малою краюшкою хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и еще ломти остались. Для сравненія съ этимъ сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопытное мѣсто изъ легенды: *Christus in der Bauershütte*, записанной въ Буковинѣ: Христосъ посетилъ хижину крестьянина. Здѣсь встрѣтила его совершенная нищета. Маленькія дѣти съ плачемъ просили у матери хлѣба, но у бѣдной женщины не было ни крошки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь, принесла со двора кусокъ коровьяго навозу (*kuhmist*) и посадила его въ печь, чтобы хоть этимъ утолить дѣтскій голодь. Черезъ полчаса вынула она свою страпню; но какъ изумилась, когда увидѣла, что коровій навозъ превратился въ прекрасный питательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлять своихъ дѣтей, — и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его выростало. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ ея былъ самъ Господь; она пала къ стѣпамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie etc.*, т. I, вып. 4, стр. 472).

4. ИСПЪЛЕНІЕ. — 5. ПОПЪ-ЗАВИДУЩІЕ ГЛАЗА.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находится еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды:

Жиль-былъ попъ; приходъ у него былъ большой и богатой, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; при-

шелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подемотри это; вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ всѣ до единой копѣйки. Прошло съ недѣлю; захотѣлось попу посмотрѣть на свое добро; пошелъ въ церковь, приподнялъ половицу, глядь — а денегъ-то нѣту! Ударился попь въ большую печаль; съ горя и домой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту — куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Никола-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія болѣзни исцѣляли. «Здра(в)ствуй, старче!» говорить попь. — Здравствуй! куда Богъ несетъ? «Иду, куды глаза глядятъ!» — Пойдемъ вмѣстѣ. «А ты кто таковъ?» — Я Божій странникъ. «Ну, пойдемъ.» Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все пріѣли, чтò у нихъ было. Оставалась у Никола-угодника одна просвирка; попь утащилъ ее ночью и съѣлъ ¹⁾. «Нѣ взялъ ли ты мою просвирку?» спрашиваетъ поутру Никола-угодникъ у попа; «нѣтъ, говорить; я ее и въ глаза не видалъ!» — Ой взялъ! признайся, братъ. Попь заклался-забожился, что не бралъ просвиры.

«Пойдемъ теперь въ эту сторону, сказалъ Никола-угодникъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не можетъ его вылѣчить; возьмемся-ка мы лѣчить.» — Что я за лѣкарь! отвѣчаетъ попь, я этого дѣла не знаю. «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, чтò я буду говорить — то и ты говори.» Вотъ пришли они къ барину. «Что вы за люди?» спрашиваютъ ихъ. — Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. — Мы знахари, повторяетъ за нимъ попь. «Умѣете

¹⁾ *Вариантъ:* Пошли вмѣстѣ. У Никола-угодника былъ мѣшокъ съ лепешками. «Дай я понесу», вызвался попь. — Возьми, неси! Ночью попь пріѣлъ всѣ лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говоритъ Никола: «давай позавтракаемъ». — Да чего завтракать-та? «А лепешки гдѣ?» — Вишь дыра въ мѣшкѣ, всѣ по дорогѣ разсыпались.

лѣчить?» — Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ. «Ну, лѣчите барина.» Никола-угодникъ приказалъ истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню, и привели туда больного. Говоритъ Никола-угодникъ попу: «руби ему правую руку». — На что рубить? «Не твое дѣло! руби прочь.» Попъ отрубилъ барину правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Попъ положилъ въ котель и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: «поди, посмотри, что тамъ надъ барининомъ дѣется?» Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ его въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить висѣлицу и долго не мѣшкая повѣсить обоихъ знахарей. Поставили висѣлицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за лѣченье не брался, а виноватъ во всемъ одинъ его товарищъ. «Кто васъ разберетъ! вы вмѣстѣ лѣчили.» — Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣдній часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдь ты укралъ у меня просвиру? «Нѣтъ, увѣряетъ попъ, я ее не бралъ.» — Такъ-таки и не бралъ? «Ей Богу, не бралъ!» — Пусть будетъ по твоему. Пойдите, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ, и совершенно-здоровой ¹⁾. Барыня тому обрадовалась, наградила лѣкарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны.

Вотъ они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видятъ — по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у

¹⁾ *Вариантъ*: Взялъ Никола-угодникъ, разсѣкъ больного на мелкія части, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вмѣстѣ, дунулъ и сказалъ: «встань во имя Господне!» Больной всталъ здоровымъ и невредимымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше...

тамошняго царя дочь бѣснуется. «Пойдемъ царевну лѣчить». говоритъ попъ. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылѣчишь. «Ничего, я стану лѣчить, а ты ступай за мной; чтѣ я буду говорить — то и ты говори.» Пришли во дворецъ. «Что вы за люди?» спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говоритъ попъ; хотимъ царевну лѣчить. Доложили царю; царь пѣзвалъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: «точно ли вы знахари?» — Точно знахари, отвѣчаетъ попъ. — Знахари, повторяетъ за нимъ Никола-угодникъ. «И берѣтесъ царевну вылѣчить?» — Берѣмся, отвѣчаетъ попъ. — Берѣмся, повторяетъ Никола-угодникъ. «Ну, лѣчите.» Заставилъ попъ истопить баню и привести туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали: привели царевну въ баню. «Руби, старикъ, ей правую руку», говоритъ попъ. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Положилъ въ котель и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, чтѣ сталося съ царевною. Какъ доложили ему, чтѣ сталося съ царевною, гнѣвнѣ и страшнѣ сдѣлался царь, въ ту-жъ минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обоихъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. «Смотри-же, говоритъ попу Никола-угодникъ, теперь ты былъ лѣкаремъ, ты одинъ и отвѣчай.» — Какой я лѣкаръ! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастнѣ. «Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обоихъ.» Взялись за пона за перваго; вотъ ужъ петлю готовятъ. «Послушай, говоритъ Никола-угодникъ; скажи передъ смертію: вѣдь ты укралъ просвиру?» — Нѣтъ, ей Богу, не бралъ! «Признайся, упрасиваетъ; коли признаешься — сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ.» — Ну, право-же, не бралъ! Ужъ надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; «постойте, говоритъ Никола-угодникъ; вонъ ваша

царевна». Смотрятъ — идетъ она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ наградить знахарей изъ своей казны и отпустить съ миромъ. Стали одѣлять ихъ казною; попъ набилъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну горсточку.

Вотъ пошли они въ путь-дорогу; шли-шли, и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги, говоритъ Никола-угодникъ; посмотримъ, у кого больше.» Сказалъ и высыпалъ свою горсть; зачалъ высыпать и попъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растетъ да растетъ, все растетъ да растетъ; а попова куча ни мало не прибавляется. Видитъ попъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ: «давай дѣлиться». — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлилъ деньги на три части: «эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ.» — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ попъ. «Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покайся, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь.»

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда рассказываетъ съ тою отмѣною, что вмѣсто Николая-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца.

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81: «Bruder Lustig»; ч. III, стр. 129—131) подобная-же легенда рассказываетъ о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королеву: когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принести котелъ воды и выслалъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо ни отдѣлилось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостоль

сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самую природою, и трижды сказалъ: «возстань во имя всемогущей Троицы!» Королевна возстала живою, здоровою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ попъ не признается, что съѣлъ просвиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сердце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подъ № 30 и сличи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: «Westslawischer Märchenschatz», стр. 88—89.

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Варианты изъ собранія В. И. Даля: а) Былъ-жилъ нѣкій царь, ко всѣмъ ласковый, къ нищимъ милостивый. Разъ на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ: «кто ни пройдетъ — всякаго проси со мной разговѣться». Долго стоялъ слуга на перекресткѣ, не проходило ни одного странника; подождалъ еще немного, и видитъ: тащится нищій — весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ, похристосовался съ ними, и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулася и давай корить царя: «чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашелъ съ кѣмъ разгавливаться... и ѣда-то на умъ не пойдетъ!» — Кушай одна, матушка! коли съ нами не хочешь, сказалъ царь и усадилъ нищаго за столъ; и самъ съѣлъ съ царицею, и всѣ слуги съѣли, и разговѣлись вмѣстѣ. Послѣ обѣда уложилъ царь нищаго на своей постелѣ отдохнуть немножко. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветь царя къ себѣ въ гости: «я де за тобой коня пришлю». Царь далъ ему свое царское слово.

На другой день откуда ни возьмись славной конь, прибѣжалъ къ самому дворцу, ударилъ въ ворота копытами — ворота растворилися, подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь съѣлъ на него и поѣхалъ, куда конь повѣзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемую и видитъ: бѣгаетъ человекъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее. «Царь, говоритъ ему тотъ человекъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человекъ изъ угла въ уголъ и кричить: «охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!» — Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. «Не могу; цѣлой вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Подѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человекъ по самыя уста и кричить: «охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!» — Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста — вода сама побѣжить въ ротъ. «Нѣтъ, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дастся, она прочь побѣжить. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помани ему про меня грѣшнаго.» ¹⁾

Переѣхалъ царь море — и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что съ нимъ разгавливался; «милости просимъ въ родительской домъ!» говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотого дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; «вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано — за то, что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждущихъ напо-

¹⁾ *Вариантъ:* Ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему; ты ѣдешь къ Богу, помолися о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» Ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» Ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну. «Ахъ, царь-государь! помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?»

яешь». Привелъ въ другой садъ; «вотъ здѣсь твоей царицѣ уготовано мѣсто — за то, что тебя на истинный путь наставляетъ и нищую братью не покидаетъ». Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ и червь шипитъ; «а здѣсь, говоритъ уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ». Царь всунулъ палецъ въ кипучую смолу — и онъ въ тожь мгновенье отпалъ отъ руки. «Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.» Тутъ царь припомнилъ и рассказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: «видѣлъ ты, какъ гоняетъ человекъ за ничужкою — то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ; другой бѣгаетъ изъ угла въ уголь — за то, что не обогрѣвалъ и не покоилъ странниковъ, и чрезъ него многие зимой померзали; третій стоитъ въ водѣ по самыя уста, а напиться не можетъ — за то, что самъ не повѣлъ жаждающихъ»¹⁾.

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Рассказалъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ его къ прежнему мѣсту — какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покаялась: «сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную; твое похождение дороже моего рожденія». — (Записана въ саратовской губерніи.)

в) Былъ жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говоритъ молодая мужу. Отъ свадьбы нашей осталось

¹⁾ *Вариантъ:* Отвѣчалъ Господь: «это мучатся грѣшники, и не будетъ имъ прощенія. Что изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ — то виномъ торговали да народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то ротовищники, сребролюбцы; что стоять голые, стѣну собой подпираютъ — то клеветники, ябедники».

много напеченаго и наваренаго; прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здорье.» Купеческой сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что отъ пира осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣніе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ съ своей женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набредли на хижи-ну — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ концу. «Жена! говоритъ купеческой сынъ; я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.» — Ступай! говоритъ жена. Долго ходилъ онъ по лѣсу, не видалъ не одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидалъ — лежитъ человѣчская голова, вся въ червяхъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говоритъ: Христось воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистинну воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистинну воскресе! Говоритъ онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христось воскресе! — и отвѣчаетъ ему голова: воистинну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова съдымъ старцемъ. И говоритъ ему старецъ: «будь ты моимъ меньшимъ братомъ; пріѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлю за тобой крылатаго коня». Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижиной крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говоритъ купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Пріѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ,

ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана.» Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «дай посмотрю, что тамъ такое?» Отворилъ дверь и вошелъ; смотритъ — стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котелъ, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силился, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь называлъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его, и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говорить ему: «что такъ долго гостилъ у брата?» — Какъ долго! всего одни сутки пробылъ. «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

с) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ — доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичекъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и куда путь держишь?» — Крестьянской сынъ, иду на богомолье. «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться.» Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говорить: «давай теперь побратаемся.» Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домою, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велить подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ, позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу.» Отецъ и слышать того не хочеть: «ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: гдѣ-же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди? — Этого я не запомню, говоритъ священникъ. «Гдѣ-же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «это ужъ давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ распросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «это, говоритъ, меньшой братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; окончилась обѣдня — и его не стало. — (Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидають грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же вещественнымъ характеромъ, который такъ ярко отразился въ лубочныхъ картинахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ,

что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, стануть мучить на огненномъ ложѣ (см. N 27: «Кумова кровать»), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣрять, что клеветникъ и лгуны будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что на опойцахъ черти стануть возить дрова и воду (см. N 29: «Горькой пьяница»), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матери — въ собраніи Кирѣевского, въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., годъ 3-й, N 9, стр. 212—3). Поселяне рассказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего странствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственныя слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ рассказовъ о хожденіи души по тому свѣту, — рассказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8):

«Идемó, повѣствуетъ обмиравшая старушка, колы-жь гризѹтця два собáки надъ шлѹкомъ, такъ гризѹтця, такъ гризѹтця! А дідь и каже: се не собáки, се два брати, що по-гризлнсь та й побились, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: «колы вже й рідні брати бѹютця, то де-жь бѹде те добро міжъ людми? Нехай-же, каже, стануть вони собáками и гризѹтця.

«Идемó, ажъ ходять волі въ такому спашѹ, що й ригъ не-свѣдно съ трави, а самі худі, худі, якъ дѹшка. А билі ихъ хѹдять волі по самій землі—ні травинки підъ ногáми нема, «да жиръ ажъ по землі тиліпаѣтця. Отъ дідь и каже: оцѣ, що хѹдні волі, то то багáті люде, що жили самі въ рѹскоші, а

«біднимъ не помагали; а ситні волі, то то бідні люде, що одъ свого рота одиймали та старцямъ изъ посліднєго давали. «Отъ-же вони теперъ и ситі й наповені, а тиі по роги въ спашу, та худі, якъ дощка ¹⁾».

«Идемó, ажъ міжъ двомá дубáми горить у пòломъ чòловикъ «и кричѣть: ой, прòбѣ! укрьйте мене, бо замёрзну! ой укрьйте мене, бо замёрзну! Дидь и каже: оцѣ той чòловикъ, що про-сѣвся доѣ гó зимою въ хату подорòжній, а на дворѣ була метѣ-лица та хуртовѣна, а вінъ не пустѣвъ, дакъ той и змёрзъ пидъ «тѣномъ. Оцѣ-жъ теперъ вінъ горить у пòломъ, а ёму щѣ «здаётця, що хòлодно, и терпѣть вінъ таку мѹку, якъ той подо-рòжній терпѣвъ одъ морòзу.

«Идемó дальшъ, коли лежить чòловикъ коло криници; течѣ «ёму рѣчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричѣть: прòбѣ! дайте на-пѣтьця! прòбѣ! дайте напѣтьця! Дидь и каже: сей не давъ чò-ловиковѣ въ жнивá водѣ напѣтьця; жавъ вінъ на нивѣ, ажъ идѣ «стáрчикъ дорòгою, а жарá велика, Спáсѣвська. Ой, каже, чò-ловичѣ дòбрий! дай, рáди Христá, водѣ напѣтьця! А вінъ ёму: «оцѣ-жъ для тѣбе вивѣзь! Вѣллю на ниву, а не дамъ такòму дар-«моѣду, якъ ти! То отъ, теперъ ёму рѣчакъ черезъ гòрло бѣ-«жить, а вінъ щѣ пѣть прòситъ, и до вѣку вѣчного бѹде ёму такъ «жáрко да тѣжко, якъ тому стáрцевѣ, що йшовъ дорòгою ²⁾».

«Идемó, ажъ кипѣть у смолѣ жѣнка, а передъ нѣю цибульба «лежить. Дидь и каже: се мѹчитця такъ мáти вáшого старòго «тѣтаря Онѣсима, що булò все старцѣвъ годѹе та бѣднимъ по-«магáе, а нѣколи жòдноѣ душѣ не обѣдивъ и нѣ въ одному слòвѣ не «збрехáвъ. Булá вона богáта, та скнáра, що одъ неѣ нѣхтò й хлѣ-«ба кускá не бáчивъ. Отò разъ полòла вона цибулю, ажъ идѣ

¹⁾ Сличъ съ литовскимъ разсказомъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

²⁾ Подобное-же мученіе опредѣлено было Тантагу.

«поузь ворѣ дідь-старець. Подарі, каже, паніматко, раді
 «Христі! Вона вирвала стрілку: прийми, каже, старче Божий.
 «Тільки-жъ одь неї й бачили. Отъ, якъ умѣрла... взяли її небо-
 «гу та й потягли въ пекло. А Онисимъ и побачивъ зъ неба, що
 «вона велику мѹку приймає, та й каже: Бóже мій милий, Спасе
 «мій Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, зроби
 «мині такѹ ласку — нехай и мой мати бѹде въ раю зо мною. А
 «Христось и речѣ ёму: Ні, Онисиме! вѣлыми грішна твоя ма-
 «ти. Візьми хіба отѹ цибульку, що лежить передь нею, та ко-
 «ли витягнешъ її съ тиі бѣздни, то нехай и вона бѹде въ раю съ
 «тобою. Узявъ вінъ тѹю стрілочку та й подавъ матері. Схопй-
 «лась вона за неї... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне съ
 «пекла! бо щò-то Бóжому святому? Ажъ ні: якъ поначіплюва-
 «лись ій и въ плахту, и въ намітку грішніи дѹши, щò-бъ и собі
 «съ того пекла вібратця, то й не здѣржала тая цибулька: пе-
 «рервѣлась, а вона такъ и бѹвнула въ гарячу смѹлу!»

У Сербовъ существуетъ слѣдующій розказъ о загробномъ
 странствованіи:

«Розкажи мнѣ, что видѣлъ?» спрашиваетъ старикъ.—Ви-
 дѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, серебряный мостъ; подъ нимъ
 огромный котель, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а
 поверхъ носятся орлы и терзають ихъ своими клювами. «Тако-
 ва вѣчная мѹка на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?» — Послѣ
 того проходилъ я селомъ, и со всѣхъ сторонъ слышались мнѣ
 радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я: отчего у васъ такъ
 весело? Отъ того, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изобиліе.
 «То люди—Божіи, всякаго готовы были напитать и уго-
 стить, и ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ ихъ избы безъ милостины.»
 — Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся,
 хотѣлъ ихъ разнять, и никакъ не могъ. «Это двѣ снохи. Что
 потому было?»—Проходилъ я другимъ селомъ, и вездѣ видѣлъ

печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Отъ того, мнѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и нѣтъ темеръ ничего. «То живутъ люди, незнавшіе правды.» — Видѣлъ я потомъ: два борова бьются; всячески хотѣлъ ихъ развести, и не могъ. «Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?»—Былъ я на чудномъ лугу; три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу. «Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти.» (См. Српске народне приповиѣтке, стр. 111—114.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Сличи со стихомъ, напечатаннымъ у Кирѣевского (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., годъ 3-й, № 9, стр. 148—154).

Варианты (изъ собранія В. И. Даля):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко — охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ—Оп. обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маханину (лошадиное мясо—*ibidem*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица.

что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву — и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеса радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умъ-разумъ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золь и хитѣрь! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту — дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколитъ; а молодлицъ да красныхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, — и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойдти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи; взялъ благословенье отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не утрашился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у нилъ зубья посшибались, у топо-

ровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смогъ кипучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребѣ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланый конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копые острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и выпустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскомъ*.

в) Егорій святой Богу молился
 За мать за родную!
 Великую онъ скорбь перенёсъ
 За мать за родную:
 Его во пилы пилили,
 Въ топоры рубили;
 У пилъ зубья посшибались,
 У топоровъ лезья (лезвія) до обухъ выбивались,
 И Егорью ничего не дѣялось!
 Его во смолѣ варили,
 Въ водѣ студеной топили.
 Егорій въ водѣ не утопаетъ,
 Поверхъ смолы плаваетъ!
 Вырыли погребъ глубокой,

Сажали въ него Егорія;
 Досками дубовыми закрывали,
 Гвоздями полужѣнными забивали,
 Желтыми песками засыпали
 За мать за родную.
 Сидѣлъ тутъ Егорій
 Тридцать два года;
 Поднималась бурна погода —
 Разнесли вѣтры желтые пески,
 Разнесли вѣтры до единой доски!
 И собралъ Егорій дружину отборну,
 И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
 Тутъ мать его Богу молилась,
 Слеза горюча потокомъ катилась.
 «Поди, поди, Егорій! сядь на коня, приуправься!
 Лютаго змія копьемъ порази,
 Материнскую кровь отомсти.»
 — Стоить ли, мать, мое рожденіе
 Всего моего похождения?
 «Вдвое стоить твое рожденіе
 За меня претерпѣнна мученія!»
 Съѣлъ Егорій на борза коня, приуправился!
 И наѣхалъ Егорій на лѣса валющи:
 «Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
 Срублю я изъ васъ церковь соборну,
 Поставлю я въ ней икону святую
 За мать за родную.»
 Въѣхалъ Егорій могучій
 Въ великой городъ толкучій,
 И наѣхалъ на дѣвокъ мудрѣныхъ:
 «Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду —
 Идите на Ерданъ на рѣку,

Воспримитесь, перекреститесь!»
 Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи,
 Встрѣлись Егорью волки прискучи,
 Гдѣ волкъ, гдѣ два:
 «Собиритесь вы, волки!
 Будьте вы мои собаки,
 Готовтесь для страшныхъ драки.»
 Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
 «Птицы, синицы!
 Летите вы на море,
 На пиръ на кровавой.»
 Наѣхалъ Егорій на змія-горюна... ¹⁾
 Но Егорій не ужасался,
 Егорій не устрахаея,
 Острымъ кошемъ змія закололъ;
 Стаи птицъ прилетали,
 Змія-горюна клевали;
 Синё море волной натекло,
 Змія-горюна съ собой унесло.

(Оба варианта записаны въ егорьевскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи.)

Народное преданіе о битвѣ Георгія Храбраго съ дракономъ распространено во множествѣ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наравнѣ со многими другими сказочными героями, и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными подробностями (сличи: стихъ о Елизаветѣ Прекрасной—въ Чте-

¹⁾ Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно-искажены. Смысль тотъ: змій грызетъ мать Егорія, и кровь потокомъ бѣжитъ изъ ранъ. Егорій напускаетъ на змія волковъ прискучихъ, волки погибають.

ніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 154 — 158; *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, изд. Гаупта и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2, стр. 147; Лѣтоп. русск. литературы и древности 1859 г., кн. 1, отд. 1, стр. 18—19; Народн. русск. сказки, вып. 2-й, стр. 153—159).

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Разрушительная сила молніи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мірѣ языческомъ приписывались у славянъ Перуну ¹⁾. Извѣстно, что съ принятіемъ христіанства многія изъ старинныхъ представлений, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены имъ на нѣкоторыя лица ветхо-и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значеніе древняго божества молніи и грома, которое представлялось развѣзжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатыхъ коняхъ, и разбивающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка развѣзжающимъ по небу въ огненной колесницѣ; стукъ отъ его ѣзды производитъ слышимый нами громъ ²⁾. На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненные. Лошадьми управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечъ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій создавалась народная загадка, означающая «громъ»: «видано-невидано, якого не кидано! то

¹⁾ См. статью о «Зооморфич. божествахъ у славянъ» (Отеч. Записки 1852 г., № 2).

²⁾ Воронеж. Губерн. Вѣдом. 1851, № 11. Владим. Губ. Вѣдом. 1844 г., Прибавл. къ № 52.

святый кидавъ, щобъ було хороше ему проихати» ¹⁾. Въ одномъ заговорѣ читаемъ: «на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ гонить Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіаетъ, дождь пойдетъ» ²⁾. Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильею-пророкомъ въ дьявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находятъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святаго, ожидаютъ грозы и дождя, который непременно долженъ

¹⁾ Малорус. и галицк. загадки, стр. 8, 39: «когда гремитъ громъ, тогда по небу ѣздитъ Илья-пророкъ или Господь». Въ нижегородской губерніи, когда гремитъ громъ, говорятъ: «Илья великій гудитъ!». Въ скопческой пѣснѣ поется:

У насъ было на сырой на землѣ —
 Претворилися такіа чудеса:
 Растворилися седьмыя небеса,
 Сокатилися златыя колеса,
 Золотыя, еще огненныя.
 Ужь на той колесницѣ огненной
 Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
 Нашъ батюшка покатываетъ,
 Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлой, храброй конь;
 Хорошо его конь убранъ,
 Золотыми подковами подкованъ.
 Ужь и этотъ конь не простъ:
 У добра коня жемчужной хвостъ,
 А гривушка позолоченная,
 Крупнымъ жемчугомъ унизанная;
 Въ очахъ его камень-маргаритъ,
 Изъ усть его огонь-пламень горитъ.

(Исслѣдов. о скопч. ереси, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложенія, стр. 47—48.)

²⁾ Иллюстрація, годъ 1, статья Даля, стр. 250.

пролиться въ это число. Бѣлорусская поговорка: «Ильля надѣливъ гнильля» означаетъ, что съ Ильина дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гниетъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ ¹⁾. На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей ²⁾. Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: «это Богъ караетъ; онъ повелѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣдишь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздають хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!» Ильѣ-пророку приписываютъ урожай, что видно изъ слѣдующей припѣвки:

Ходить Илья,
Носить пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне—
Жито росте.

20-го іюля готовятъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь ³⁾.

Сербскія пѣсни также надѣляютъ 'Илью-пророка молніей и громомъ; при раздѣлѣ міра ему достались «мунье и стріеле» (молнія и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ*; онъ запираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ-же вѣрованія связываютъ съ Ильєю-пророкомъ и другіе народы. Осетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей они говорятъ: Илья взялъ его къ

¹⁾ Прибав. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

²⁾ Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851 г. № 11; Терещенко: Быть русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Снегирева: Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 20, 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

себѣ, и чествуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантии огненнаго цвѣта, съ мечемъ, на остреѣ котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ ¹⁾).

Такое присвоеніе грома, молніи и дождей Илью-пророку имѣеть въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ; во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ однажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молить его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провѣличать Илью, на плодородіе хлѣба ²⁾. Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви: Ильи-Мокраго и Ильи-Сухаго; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухаго ³⁾).

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія, живущія въ устахъ простолудиновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Илью-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

¹⁾ Српске народне пјесме, кн. 1, стр. 155—7. Гримма: Deutsche Mythologie, стр. 158. Норкъ: Andeutung. einer Systems der Mytholog., стр. 237.

²⁾ Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырь, ч. II, стр. 66—67. Терещенко: Бытъ рус. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Отеч. Записки, изд. Свиньина, 1826 г., ч. XXVIII, № 79, стр. 166. Москвитяя. 1853 г., № 11, стр. 64 (Внутрен. извѣстія).

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола; въ собраніи В. И. Даля есть еще одно народное сказаніе объ этомъ-же угодникѣ. Вотъ оно:

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатой мужикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ; кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ кой-какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. «Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!...» —Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною смертію, по вѣкъ не забуду... Заработаю—съ лихвою отдамъ. «Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.»—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показалъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублей: «смотри-же, говоритъ, непременно въ срокъ заплати».

Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, купилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки ¹⁾. «Что дѣлать? думаетъ

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойти ночью къ болоту и попросить у чертей. Дождася полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистому: «возьми, говоритъ, мою душу, только дай

онъ. Пойду, попрошу отерочки.» Приходить къ богатому и ну кланяться ему въ землю: «обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время». — Чего ждатель-то? Пришелъ срокъ, и подавай денежки; небось, умѣлъ брать! «Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да вѣр совѣсти — нечѣмъ!» — Видно, съ тобою, мошенникомъ, хорошо не сдѣлаешься! сказалъ богатой мужикъ; а надо будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Николы-угодника и говорить: «чтожь ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? вѣдь ты за него поручился». Икона ничего не отвѣчаетъ. «Что же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь всѣ до единой копѣйки.» Снялъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора; лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнутомъ стегаетъ да приговариваетъ: «отдай мои деньги! отдай мои деньги!» ¹⁾. Только ѣдетъ онъ мимо гостиннаго двора; увидалъ его купеческой сынъ и сталъ спрашивать: «что ты, безбожный, дѣлаешь?» — А то что давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублей, и этотъ образъ былъ по немъ порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги — у мужика нѣтъ ни полшки; вотъ и принялся я за поруку! «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мнѣ образъ.» — Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взялъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и засвѣтилъ передъ нимъ лампадку. На утро явился къ нему съ

двадцать рублей». Отвѣчаетъ ему нечистой: «ступай домой, доброй человекъ! намъ твоей души не надобно. Много вашей братьи голышей сюда таскается; если всѣмъ давать деньги, такъ самимъ придется щелкать зубами! Мы и на господь-то напастись не можемъ, а то еще вамъ давай!» Воротился мужикъ домой съ пустыми руками.

¹⁾ *Вариантъ*: Снялъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай въ грязь топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ...

дой старикъ и сталъ наниматься замѣсто прибашника; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаровъ не напасется: покупщики такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и поѣхалъ съ старикомъ въ другое государство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилась: злая вѣдьма испортила царевну — днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку, и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличь по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ зятемъ и получить въ приданое половину царства. Кликнули кличь; только никто не выискался, никто не берется за это дѣло хитрое. И говоритъ старикъ купеческому сыну: «ступай къ царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну». — А какъ не съумѣю? «Не бойся! Богъ поможетъ и я научу.» Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ; царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самый день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: «становись въ этотъ кругъ, и что бы ни было, что бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ налоемъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Бѣшено рвется она впередъ, напускаетъ разные страхи и грозить бѣдою; но ку-

печеской сынъ не ужасается, стойтъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, зацѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ-мертвюю. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и рассказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: «будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.» На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвинчать купческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ спискѣ старикъ приходитъ навиматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. «Куда тебѣ, старому, работатъ? вѣдь ты ничего не ослишь», говоритъ купеческой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работающъ: за десятерыхъ молодыхъ сойду. «А что возьмешь?» — Что заработаемъ, то пополамъ. «Хорошо!» Привзжаютъ они въ другое государство; купеческой сынъ беретъ отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаетъ, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба; купеческой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. «Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!» — погоди, отвѣчаетъ купеческой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жъ минуту

исцѣдилась : порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ, и воротился домой съ большими богатствами. «Давай дѣлиться», говорить старикъ. Купеческой сынъ вытащилъ все деньги и сталъ дѣлить пополамъ. «Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!» Взялъ старикъ острой мечъ и разрубилъ ее на-двое. Опечалился купеческой сынъ и говорить: «Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?» — Развѣ тебѣ жалко? спрашиваетъ старикъ; взялъ обѣ разрубленныя части, сложилъ вмѣстѣ, дунулъ—и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. «Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему», сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угольникъ Божій.

13. ПЯТНИЦА.

Суевѣрное уваженіе къ пятницѣ, питаемое русскимъ простолюдиномъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи по пятницамъ бабы не прядутъ, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ. Въ народномъ стихѣ душа, прощаясь съ тѣломъ, обращается къ нему съ такимъ напоминаніемъ былыхъ грѣховъ:

Мы по середамъ, по пятницамъ платье зóловали,

Платье зóловали, мы льны прядовали. ¹⁾

Особенно-же уважаются въ народѣ издревле двѣнадцать пятницъ, которыя бывають передъ большими праздниками: а) передъ Благовѣщеньемъ, б) первая и с) десятая послѣ Воскре-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 56. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Россійск., годъ 3-й, № 9, стр. 210, 221 и 224.

сенія Христова, d) передъ Троицею, e) Успеніемъ, f) Ильинимъ днемъ, g) праздникомъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, h) Вздвиженемъ, i) Покровомъ, k) Введеніемъ во храмъ пресв. Богородицы, l) Рождествомъ и m) Крещеніемъ. До сихъ поръ сохраняется старинное сказаніе о 12 пятницахъ, почитаемое раскольниками наравнѣ съ свящ. писаніемъ ¹⁾. На Вагѣ въ прежнее время ежегодно праздновали пятокъ первой недѣли поста у часовни, куда совершался для этого крестный ходъ. Во время неурожаевъ, засухи или сильныхъ дождей, по случаю скотскаго падежа и появленія червей были празднуемы «обѣтныя» пятницы; въ XVI вѣкѣ писались въ такихъ случаяхъ цѣлымъ міромъ заповѣдныя записи. Такъ крестьяне тавренской волости (въ 1590—1598 г.) обговорились промежь себя и учинили заповѣдь на три года, чтобы «въ пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменія не жечи»; а кто заповѣдь порушитъ, на томъ доправитъ 8 алтынъ и 2 деньги. Константинопольскій патріархъ окружною грамотою 1589 года къ литовско-русскимъ епископамъ запрещалъ праздновать день пятницы наравнѣ съ воскресеньемъ ²⁾.

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуеть, что въ его время ходили «по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ живые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разгигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзскія дѣла творити».

¹⁾ Православн. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 188.

²⁾ Акты Юридическіе, № 358; Акты Западн. Руси, т. IV, № 22. У болгаръ также не прядутъ по пятницамъ (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, т. II, статья Буслаева, стр. 42).

По народному объясненію по пятницамъ не прядуть и не па- шутъ, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глазъ. Если же бабы вздумаютъ прясть и шить въ этотъ день, то св. Пятница накажетъ ихъ ногто- ѣдомъ, заусеницею, или болѣзною глазъ: повѣрье это послу- жило основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ духовнаго регламента, суевѣры увѣряли, что «Пятница гнѣ- вается на непразднующихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ наступаетъ». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пят- ницу не засиживаются долго при свѣчахъ, потому что въ этотъ день ходить по домамъ «св. Пятинка» и караетъ всѣхъ, кого застанетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣря- ютъ, что они сами видѣли, какъ Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами, потому что многія женщины и шьютъ, и прядутъ въ такіе дни, которые слѣдуетъ праздновать въ честь этой святой ¹⁾. Такимъ обра- зомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ: именемъ Пятницы въ простонародьи называется мученица Параскева. Въ четьяхъ-минеехъ повѣствуется, что родители ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спа- сителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь, которую они назвали *Παρασκευή* т. е. пятницей. Въ прежнихъ нашихъ мѣсяцесловахъ при имени св. Параскевы упоми- налось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященные, до сихъ поръ называются пятницкими ²⁾. 28 октября, когда читается

¹⁾ Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97, 101; Снегирева: Про- стонар. русск. праздники, ч. I, стр. 188—9; Терещенко: Быть русс. на- рода, ч. VI, стр. 56; Маякъ 1843 г., т. XII, стр. 7, и 1844 г., т. XIII. Вѣстн. Георг. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5; Полтавск. Губернск. Вѣдом. 1845, № 24 — часть неофициальная; Абевага рус. суевѣрій, стр. 275.

²⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

память св. Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые плоды и хранятъ ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обѣшанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутияхъ и перекресткахъ издревле ставились на столбикахъ небольшія часовни съ иконою св. Параскевы; часовни эти также назывались «пятницами» ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ всея особенноти, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядутъ по пятницамъ, чтобы не запылить Богородицы, которая ходитъ тогда по избамъ; еще наканунѣ поэтому подметають въ избахъ полы; шерсть, отъ которой вѣтъ пыли, позволяютъ прастъ ²⁾.

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была посвящена богинѣ Венерѣ или Фреѣ (*dies Veneris, Vendredi, Frejtag*), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ влі-

¹⁾ Рязанск. Губерн. Вѣдомости 1846 г., № 6 — часть неофиц.: Макарова: Русскія преданія, ч. 1, стр. 22—26; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., стр. 648 — статья Даля; Воронежск. Губ. Вѣдом. 1851, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается прастъ: это грѣхъ неотмолимый, но сматывать нитки и сучить ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляютъ пражы на веретенахъ въ воскресенье и праздники, чтобы не рвались нитки. На масляницу не прядутъ, чтобы мыши не грызли нитокъ и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготавлиаясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстнаго четверга, а съ этого дни до самой Пасхи не принимаются за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глазъ; въ тоже время старательно прячутъ веретена и прялки и перестаютъ заниматься пряжею (Вѣсти. Геогр. Общества, 1853, кн. I, стр. 60; Иллюстрація, годъ 2-й, стр. 262; Пузины: Взглядъ на суевѣрія, стр. 154; Ворон. Губерн. Вѣд. 1851 г., № 11; Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 93).

яніемъ христіанскихъ идей оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ атрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью-пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власія.

Пятницѣ приписываютъ вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота. почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: онѣ носятя на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монистами, цвѣтами и душистыми травами: эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто соблюдаетъ Пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ кадужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, нажинаетъ одинъ снопокъ, связываетъ его, и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдуницы, еретика и еретицы!» Затѣмъ, взявши снопокъ, она старается пройти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: «матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе». ¹⁾ Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершав-

¹⁾ Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. IV, стр. 118; ч. I, стр. 48.

шешя въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. «Слышится (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую, подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.»

‘14. О НОѢ ПРАВЕДНОМЪ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ «притчи о тѣлѣ человѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туровскаго, который передаетъ ее въ болѣе-распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служить новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличенія приводимъ здѣсь самую притчу:

«Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отча своего: «кого, рече, створю стража дому моему и притяжанію? Аще бо поставлю сдѣ отъ предстатель моихъ, то потеряють мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпча, да аще кто хоше украсти отъ врагъ моихъ въ виноградѣ, слѣпечь чюеть, а хромецъ видить; аще кто отъ сего всхошетъ, хромецъ убо не имать ногу дойти, слѣпечь же аще поидеть — въ пропастьхъ убѣтса». И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо сѣдящимъ имъ, и рече слѣпече ко хромцю: «что убо благоуханіе полетаеть изнутри вратъ?» Отвѣща хромецъ: «многа блага господина наю внутрь

есть, иже неизречевьяная вкушенія: но понеже премудръ есть господинъ наю, мене посади хромаго, а тебе слѣпаго, и не можевъ того дойти и насытитися». Отвѣща слѣпече хромцю: «почто еси сихъ не возвѣстилъ: да быховъ не жадала? Аще бо слѣпъ есмь, но ноги имамъ и силенъ есмь носити тя: нынѣ бо возми кошь, и всади на мои плещи, и азъ тя несѹ, а ты мнѣ путь повѣдай; и вся благая господина наю обоемлевѣ. Да огда приде господинъ наю, укрывается дѣло наю отъ него; аще мене воспросить, и реку: ты веси, господине мой, яко слѣпъ азъ есмь; аще ли тебе воспросить, ты же рѣчи: азъ хромъ есмь, и тако премудруевъ господина наю». Всѣдъ же хромецъ на слѣпеца, и шедъ окрадоуста овозъ господина своего. По времени же пришедъ господинъ винограда, и види его окраденна, повелѣ привести слѣпца, и глагола: не добра ли ты поставихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣпече: «Господи, ты вѣси, яко слѣпъ есмь; аще быхъ хотѣлъ дойти, не вижду дойти; но кралъ есмь хромецъ, а не азъ». И повелѣ господинъ блюсти слѣпеца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромцю, начастася спирати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: «аще не бы ты носилъ мене, николи же могъ быхъ тамъ дойти, понеже хромъ есть». Слѣпецъ же глаголаше: «аще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ, то не бы азъ тамъ дошелъ». Тогда господинъ, сѣдъ на судящи, нача судити, и рече господинъ: «яко же еста рекла (крала), тако да всяде хромецъ на слѣпца». Всѣдшу бо хромцю на слѣпца, повелѣ бити немилоствено».

Въ народной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукой. — Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамѣ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ, смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые рассказы изъ стариннаго животнаго эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ,

что собака первоначально была сотворена голою, безъ шерсти; Богъ заставилъ ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакамъ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мягкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головою. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и людей; очевидно устный рассказъ относить здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г. Терещенкомъ (Быть русск. народа, ч. V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашей легендѣ:

«Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ «позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, что- «бы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно, «думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ ныр- «нулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. При- «несъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... «Господь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является та- «кая ровная, ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на «другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смо- «треть... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ «его: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ «испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и «онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки; «гдѣ кашлянетъ — тамъ выроститъ гора; гдѣ привскочетъ — «тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей «землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и «превысокихъ горъ.»

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтила.

Домсторическія преданія, уцѣлѣвшія почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, разсказываютъ, что само божество научило первоначально человѣка строить жилища, ковать металлы и воздѣлывать землю¹⁾. На Украинѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рая²⁾. Согласно съ этимъ напечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу: всѣмъ бы хороша: и тепло, и уютно, да темно хоть глазъ выколи! Ужь ангелъ Господень научилъ прорубить окно, и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы съ окнами. Преданіе это носитъ на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, мрака, по народнымъ повѣрьямъ боится свѣта и исчезаетъ съ первыми лучами солнца³⁾; все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ, исходитъ не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Сличи съ слѣдующей легендой о «Солдатѣ и Смерти» (№ 16, а). — О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстенъ цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи

¹⁾ См. статью: Миенческая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и проч. (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2-я.

²⁾ Русск. Бесѣда 1856 г., т. 3, стр. 74: статья Максимовича.

³⁾ Крикъ пѣтуха, предвозвѣщающій восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ. Сличи съ *Kinder- und Hausmärchen*, ч. 2, стр. 519.

г. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (стр. 102 — 123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣютъ связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ «Српске народне приповиѣтке» Караджича.

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію — живою, олицетворенною; такую видимъ ее и въ другой легендѣ («Пустынникъ», № 24), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» (начало: «Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ...»). Повѣсть эта попадаетъ во многіхъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій; составляя любимое чтеніе грамотнаго люда, она перешла въ устныя сказанія и на лубочную картину. Приводимъ здѣсь народный разсказъ объ Аника-воинѣ. въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи:

Жиль-быль Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что

¹⁾ *Вариантъ:* Ёздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. «Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла.» Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

это за чудище! говорить Аника-воинъ; царь ли ты - царевичъ, король ли - королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. — Разсердился Аника-воинъ. напускаетъ на Смерть своего бѣззаго коня, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двинется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя - Смерточка! дай сроку хоть на три дни. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣнiе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнiя нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾).

Народныя русскія повѣрья представляютъ Смерть вѣчно голодную, пожирающею все живое; въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды — когда солдатъ заставилъ ее нѣсколько лѣтъ глотать одни лѣсныя деревья, Смерть такъ отошала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого теплаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

¹⁾ Сличъ съ легендою подъ № 21 («Пустынный»).

Подобный рассказъ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросъ Пронька; всю службу свою слылъ горькой пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушалъ въ два приѣма безъ отдыха. Что тамъ ему не говори, только и услышишь: «пей да дѣло разумѣй! пьянъ да умень — два угодыя въ немъ! пьяница проспится, дуракъ никогда!» И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, говорилъ всегда правду, и всѣ его любили и берегли. Разъ какъ-то великимъ постомъ сталъ говорить ему священникъ: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравѣнъ часъ — во хмѣлю умрешь; вѣдь смерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда скажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господа?» А онъ въ отвѣтъ: «Батюшка! чтѣ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: всю правду, значить, скажу передъ Богомъ». Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ — ужъ не знаю — радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣялся, полѣзъ на мачту и свалился оттуда прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянѣшенекъ, и не знаетъ, куда идти? а тамъ — дѣло извѣстное, и для трезваго потемки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да переключка, кого куда; матросовъ-горемыкъ извѣстно всѣхъ въ рай назначаютъ, и Проньку вкричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, замѣшался въ толпу, и попалъ въ адъ; шумитъ тамъ пуще всѣхъ, только другимъ мѣшаетъ... Много было хлопотъ, чтобы вывести его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться; да ужъ Никола Морской догадался: взялъ боцманскую лудку, сталъ у райскихъ дверей и засвисталъ къ вину. Какъ услыхалъ Пронька, сейчасъ бросился изъ ада вонъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Даля.)

Особенно-интересны подробности въ третьемъ спискѣ легенды о «Солдатѣ и Смерти». Подробности эти совершенно-сход-

ны съ тѣми, какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: «Bruder Lustig» (см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 1, № 81); и здѣсь, и тамъ — одинаковъ разсказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворецъ. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той продѣлки со Смертью, вслѣдствіе которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ виситъ въ лѣсу на осинѣ; да сверхъ того въ окончаніи находимъ слѣдующее измѣненіе: приходитъ солдатъ къ небеснымъ вратамъ и стучится. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; «ты хочешь въ рай?» спрашиваетъ апостоль. — Въ аду меня не приняли, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. «Нѣтъ, ты сюда не войдешь!» — Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ; я ничего не хочу отъ тебя имѣть. И вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую решетку; св. Петръ взялъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ: «теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ». И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю. — Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эпизодическій разсказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лѣчить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больнаго — непременно увидишь, гдѣ стоитъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго; въ последнемъ случаѣ стоитъ только взбрызнуть его водою изъ стакана — и въ ту-же минуту онъ встанетъ здоровъ и невредимъ. Этотъ любопытный эпизодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ «Der Gevatter Tod» (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 44):

Жиль-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатой ребенокъ, онъ уже не зналъ,

чѣмъ пособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшился перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумовья. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: «мнѣ тебя жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка. буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ». — Но кто ты? «Я Господь.» — Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовья; ты надѣляешь богатыхъ, и оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказалъ бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ премудро распределяетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: «возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудями золота и всѣми наслажденіями жизни». — А ты кто? «Я дьяволъ.» — Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человѣка. Пустился въ путь дальше; идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумомъ». — Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. «Я Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумомъ. Въ назначенный день пришла Смерть, и крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подростъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крестнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крестнаго Я сдѣлаю тебя славнымъ лѣкаремъ. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ головахъ больного, то смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если стану я у ногъ больного — онъ мой! ¹⁾ Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна и что никакое лѣкарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти». Въ короткое время повсюду

¹⁾ Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть станеть въ ногахъ больного — онъ выздоровѣетъ, а если въ головахъ — то умереть. Тоже и въ рассказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стѣять только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умереть. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лѣкаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больного, Смерть стояла въ ногахъ и никакое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть? подумалъ лѣкаръ; конечно, ей не понравится; но вѣдь я недаромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сквозь пальцы; дай, попробую.» Онъ приподнял короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больного; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно-исцѣленный. Смерть подошла къ лѣкарю, лицо ея было мрачно и гнѣвно; она погрозила пальцемъ и сказала: «ты обманулъ меня; на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже — я возьму тебя самого!»

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ, и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наследуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крѣстной отецъ; но изумительная красота королевны и счастье быть ея мужемъ разсѣяли всѣ опасенія. Онъ не видѣлъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподнялъ больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы — и въ ту-жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь твоя очередь настала»; ухватила его своей ле-

дяною рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновенье однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни. Большія свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчою.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькій огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть: «вотъ, смотри!» — «Ахъ милой крѣстной! сказалъ уstraшенный лѣкарь, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. «А ты оставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу — такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, но приставляя къ ней старый огарокъ, нарочно, изъ мщенія, его уронила: пламя погасло, и въ ту-жъ минуту лѣкарь упалъ на-земь и сдѣлался добычею смерти. (См. также *Deutsche Hausmärchen*, von J. W. Wolf, стр. 365: «*Das Schloss des Todes*».)

Подобный-же разсказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. *Ungarische Volksmärchen*. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, стр. 30 — 33); только конецъ другой. Смерть креститъ у одного бѣдняка новорожденнаго младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣ-

лять больныхъ, хотябъ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стѣять только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью — и больной тотчасъ выздоровѣетъ; самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Прежній бѣднякъ дѣлается лѣкаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣстить Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? «Ахъ, сказала дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.» — Какое-жъ это слово? Отче нашъ? «Нѣтъ, не то!» Лѣкаръ проговорилъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ: «нѣтъ, не то!» — Такъ вѣрно: аминь? сказалъ онъ наконецъ. «Да, сказала Смерть (это она явилась въ видѣ плачущаго ребенка); да, аминь!... и тебѣ, кумъ, аминь!» И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣлили между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Г. Максимовичъ записалъ русскій народный разсказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, но обстановка и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка, Кіевъ, въ типогр. Ф. Гликсберга, 1845, стр. 45—48): «Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ. — Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. Пстой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри, берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непременно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть пропала.» Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лѣчить:

за кого ни возьмется, какъ рукой болѣзнь свинючь! Прислаась объ немъ слава, отъ больныхъ отбою нѣтъ; разбогатѣлъ онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. «Одинъ разъ зовуть его къ богатому купцу. Приходитъ онъ; видитъ, что Смерть въ головахъ, и не беретса лѣчить. — Сдѣлай милость полѣчи! что хочешь возьми... — Право не могу! — Вотъ тебѣ сейчасъ пятьсотъ рублей, а вылѣчишь, дадимъ пять тысячъ — вотъ и вексель! — Пять тысячъ деньга! думаетъ мужикъ; дай понытаюсь!... Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только что принялъ большой лѣкарство, какъ тутъ-же и духъ вонъ. На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчить; только ужъ его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянется — а Смерть у него въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и говоритъ своимъ: неловко что-то лежать мнѣ; положите-ка меня къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть все въ головахъ. — Охъ, все неловко! говоритъ онъ; придвиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня поперекъ. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ головахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвертисься... Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.» — См. еще въ Народн. славян. сказазахъ И. Боричевского (стр. 82 — 87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. ВИДѢНІЕ.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ представляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячъ различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ, запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобранные съ нивы колосья просятъ его: «возьми и насъ съ собою!» Свое

сѣно, скошенное съ собственнаго луга, стонеть подъ гнетомъ чужаго, захваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упрашиваетъ выдернуть ее и вбить въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ къ низу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, прогоняющую нечистыхъ духовъ, простолюдинъ убѣжденъ, что ни одно дѣло не слѣдуетъ начинать «не благословясь»; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 «Пустынникъ»). Если гдѣ стращуха готовить обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣствы ставятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ домъ приходятъ черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ срамныя пѣсни; къ благословенному-же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 «Пустынникъ и дьяволъ»). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ Господень предстоить имъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, Христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія: ангелъ Господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ яко видить: бѣсы веселящеса съ ними». ¹⁾ Сосудовъ и кринокъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *накрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чортъ Потанька влѣзаетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистый садится въ кувшинъ

¹⁾ См. также Этнограф. сборн., выпускъ 2, стр. 57.

съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходитъ разсказъ объ одномъ мужикѣ, который поднимъ на свадьбѣ и былъ уведень чортомъ. Цѣлыхъ три года пропадалъ онъ безъ вѣсти, да разъ какъ-то подь праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсни распѣвать! до того загулялись, что пѣтухи запѣли — и въ ту-жъ минуту сгнули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Сторожъ выпустили его изъ бани, смотреть — мужикъ весь въ лохмотьяхъ, чуть не голой вышелъ: такъ обносился! И двуются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его распрашивать. Мужикъ разсказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: «гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придуть и засядуть на печкѣ, а какъ стануть хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладываютъ на блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ не благословясь — они до-чиста опорожнятъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!»

19. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подь № 20, с («Пустынникъ и дьяволъ»). Источникомъ этой легенды послужило извѣстное сказаніе «о великомъ святителі, о Иваннѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой ноци изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градѣ и паки възвратися», зане-

земное въ четыи-милеи и во многіе старинныя сборники житій¹⁾).

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія, должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ вариантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ вариантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Дали):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться солдатски: маршировать и ружьемъ выкидывать, былъ-жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣлья не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Галерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнилъ товарища; стоять себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на-краулъ. Глядь—идеть къ нему нечистой; солдатъ не сробѣлъ, а хотя бѣ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорта не въ воду! «Здорово, служба!» говоритъ чортъ. «Здравія желаю!»—Почучи, пожалуста, меня на-краулъ выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не смогу. «Прямой ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ понять-то? Я вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку имѣю — а всё еще учуся²⁾); ужъ и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нѣтъ, братъ, ужъ это больно-скоро да и дешево!» — Почучи, служивой! «Пожалуй; только за что самъ ку-

¹⁾ Рукописи славянск. и росс., принадлеж. почетному гражданину И. Н. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 434.

²⁾ Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодникъ прогнѣвался за что-то на нихъ и сказалъ: «вѣкъ вы будете учиться, и не выучитесь; вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!»

пиль, за то и тебе продашь.» Поставил солдат чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его во всю мочь прикладомъ по затылку, ажно пошатнулся нечистой. «А! такъ ты еще нагибаешься во фронтъ!» и давай его лупить по чѣмъ попазо; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только ножками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ... «Ну, говорить, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть мнѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтѣ братъ, нѣту родни!» Тошнѣхонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говорить, что безъ мѣлки не бываетъ науки; стало быть — такъ надо: ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. «Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядишь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!»

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоить онъ, выкидываетъ ружьемъ разные приемы, а на умѣ держать: «ну, коли теперь явится нечистой, ужъ я свое наверстаю!» Въ полночь откуда не взялся — приходитъ нечистой. «Здравствуй, служба!» — Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? «Какъ зачѣмъ? учиться.» — То-то и есть! а то хотѣлъ съ-разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлаютъ, такъ слѣпые родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грудь впередъ, брюхо подбери, глаза въ начальство уставъ! Долго возился онъ съ чортомъ, много надавалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногѣ, и на-краулъ. «Ну, говорить, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только развѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повернись налево кругомъ!» Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ

кармана шейной крестикъ, да потянулку и нацѣпилъ на чорта. Какъ запрыгаетъ чортъ, какъ закричитъ благимъ матомъ! «А что, развѣ это вамъ чертямъ не по-нутру?» спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдатъ не прочь отъ денегъ, и велѣлъ притащить ни мало, ни много—цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагъ и закрестилъ; «а то, говорить, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вмѣсто золота уголье насыпаете!»¹⁾—Чтожь, служивой! молить бѣсъ, отпусти меня, сними свой крестикъ. «Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, не изъ дальнихъ—изъ иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!» Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому; усѣлся на него верхомъ и крѣпко-крѣпко ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется—словно молнія! Солдатъ только посматриваетъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села: «ай-да молодець! люблю за прыть!» И не успѣлъ еще проговорить всего, глядь—ужъ и пріѣхалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: «спасибо, говорить; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Ступай теперь, куда знаешь, а завтра на ночь при-

¹⁾ См. интересный рассказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлый праздникъ—въ «Картинахъ русскаго быта» В. И. Даля (Отечеств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого преданія можно найти въ статьѣ моей о мифической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2).

ходи: назадъ поведемъ». Прогостилъ, процировавъ седмь цѣлыхъ два дни, а къ ночи попрощался съ родными, и воротился на чортѣ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вѣтъ какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Снял онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманъ спрятать, глядь — а ужъ чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта; забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чортъ выучился шаршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія штуки, и пошелъ заниматься въ солдаты. Одинъ бѣдной мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его замѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу; однѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на-крестъ: просто, хотъ удавиться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы; не польстился и на душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ: «Солдатъ и Смерть», въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, что по нашему мнѣнію придаетъ имъ особенно-живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистой духъ, преобладаетъ шутивно-сатирической тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ героевъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то попадаетъ онъ подъ кузнечныя молоты, то обмѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬВОНЬ.

См. въ Kinder-und Hausmärchen, ч. II, стр. 85. — Передаемъ еще одинъ разсказъ о труженникѣ и демонѣ-соблазнительѣ:

Жилъ въ лѣсу труженникъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько не старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежь себя думать, чтобы такое ему сдѣлать; думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженника, а другой ему на встрѣчу, напалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженникъ услышалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводить. «Помоги, умоляетъ, доброй человекъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совѣмъ было задушилъ окаанной!» Взялъ его труженникъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говоритъ старцу: «спасѣнное твое дѣло! много въ немъ благодати! Хочется и мнѣ потрудиться; оставлю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подь начало». Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоять на колѣнахъ и кладуть поклоны. Еще старецъ иной разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженникъ совѣмъ не знаетъ устали. Прошло сколько-то времени, и сталъ нечистой говорить старцу: «не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осудишь. Давай, перегородимъ келью на-двое и станемъ жить всякой въ своей половинѣ». Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старику посмотрѣть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Влѣзъ на перегородку и просунулъ голову; смотреть: стоять на столѣ бутылки съ виномъ и разныя скоромныя ѣствы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица. «А, такъ ты за мной подсматривать! сказалъ нечистой; схватилъ его за бороду и перетасилъ на свою сторону.» Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съѣшь; хочешь—блудъ сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ;

у меня коротка расправа!» Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ—теперь постъ, будетъ большою грѣхъ; если блюдо сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Выпилъ одинъ стаканъ, и самъ ни знаетъ, отъ чего вдругъ повеселѣлъ; а чортъ ужъ другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромнаго и блюдо сотворилъ. «Пойдемъ теперь воровать! говорить нечистой. За-одно ужъ грѣшнѣе; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!» Пошли ночью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать чтѣ подъ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучитъ: такого грохоту надѣлалъ, что хозяева проснулись, тотчасъ схватили старика и посадили его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣснть вора: «этихъ старцевъ жалѣтъ нечего; они не Богу молятся, а только норовятъ въ клѣтъ забраться!» Привели вора на базарную площадь, встали на висѣлицу и накинули петлю на шею; вдругъ откуда не взялся нечистой, сталъ къ нему подъ ноги и началъ его поддерживать. «Что, спрашиваетъ, небось испугался?»—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ. «А ну, посмотри: не увидишь ли чего?» — Вижу: обозъ идетъ. «А великъ?» — Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужъ давно проѣхалъ, а другаго еще и не видать! «Съ чѣмъ обозъ?» — Со старыми, дырчавыми лаптями. «Это, братъ, тѣ самые лапти, чтѣ мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?»—Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ котлы кипятъ. «Тамъ и мы съ тобой будемъ жить!» сказалъ дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКЪ.

Въ собраніи рукописей Царскаго, въ сборникъ начала XVIII вѣка, находится между прочимъ: «Слово рѣчемо о бражникъ, како вниде въ рай Божій» (начало: «Бѣ вѣкій человекъ бражникъ, пьющъ въ праздники Господня до обѣда, а за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя») ¹⁾. Легенда эта живетъ и въ устахъ народа. Одинъ разсказчикъ такъ передавалъ намъ прѣніе бражника съ апостоломъ Петроу: пришелъ бражникъ къ райскимъ вратамъ, у которыхъ стоялъ съ ключами апостоль Петръ. «Пусти меня въ рай!» — Нельзя, говоритъ апостоль, ты пьяница. «Не стыдно-ль тебѣ говорить это? Ты самъ отрекался отъ Господа, а вотъ теперь по милости его держишь ключи отъ рая.» — См. также «Русскую Бесѣду» 1859 г., № 6.

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Она представляетъ весьма близкій вариантъ «Приклада о гордомъ цесарѣ Еввиняѣ» (въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній») ²⁾. Въ народѣ повѣсть эта разсказывается въ такомъ видѣ:

¹⁾ Рукописи славян. и русс. И. Н. Царскаго, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 552.

²⁾ Ibidem, стр. 496, 610. Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 185, 196—7. Равнымъ образомъ и легенда о царевичѣ Евстафій (№ 23) носитъ на себѣ слѣды книжнаго происхожденія.

ГОРДЫЙ БОГАЧЪ.

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ—нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая-жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣднѣ насъ грѣшныхъ; а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силѣ. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотреть, что такое тамъ дѣется, я вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочуть. Сталъ дьяконъ читать: «богатые обнищаютъ и взалкають...»—какъ бѣжить къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хватъ дьякона по лысинѣ: «какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди-жъ, я тебѣ покажу, какъ надо мною смѣяться!.. Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то я такъ поподчю тебя на конюшнѣ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а пощъ въ алтарѣ спрятался и тресется бѣдненькой словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучъ! говоритъ панъ, что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнія поминутно блещетъ, громъ все сильнѣй и силь-

нѣе, а потомъ какъ ударить—Господи, твоя воля!—всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на полъ. Только панъ съ панею стоять да хохочуть. Прибѣжалъ староста: «бѣда! говорить, господской домъ горить!» Принялись тушить; да нѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все начисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дьяконъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ,—всякой разъ, откуда что возьмется, загремить да и загремить на небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собрали народу — человекъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько-же. Сѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся-бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрѣе ¹⁾). Вотъ близко, вотъ нагонитъ, не тутъ-то было! Уже и полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — а онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала черная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи—ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не откликнутся-ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторяетъ: тру-тру-тру! Ёдетъ панъ дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумятъ верхушками. Уже

¹⁾ *Вариантъ*: Пустилъ панъ стрѣлу — мимо, пустилъ другую — не попала, пустилъ третью — и та не угодила. Поскакалъ онъ за звѣремъ, быстро несется на конѣ...

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ еди на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонёкъ. Панъ слова не игралъ въ трубу, чтобъ вышли къ нему на встрѣчу, какъ есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сдѣлалось. Выскочилъ изъ-за деревьевъ человекъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огни сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Чтожь вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай подбивать его батогами. «Полно! сами заревѣлъ атаманъ; отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомой будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоитъ панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палить, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на умѣ одно держитъ: какъ ворочусь домой, сейчасъ-же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!

Недалеко отъ Волчей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ уѣсться самимъ подъ сосною и плестъ въ холодку лапти. Какъ-же они удивились! стоитъ у сосны голой человекъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ пастухъ; посмотри-ка: человекъ привязанъ въ чемъ мать породила, и весь-то избитой, весь-то въ крови! Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ, еще живъ!» — Чтожь? отвяжемъ, говоритъ другой. Съ этимъ словомъ

они подошли къ соснѣ и распутали веревки. Панъ то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «эй, ты молодець! сними-ка свою серягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодяи, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; я тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одѣжѣ. «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину?... Вотъ я васъ! дайте до дому добратся.» Расходился панъ, и ну тащить съ пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Такъ вотъ оно что! сказалъ пастухъ; тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзешь! Вотъ-же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою (кнутомъ). Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ: шлѣпъ да шлѣпъ, шлѣпъ да шлѣпъ. Какъ припустилъ панъ въ сторону, откуда ноги взялись. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ ни выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идутъ старцы (нищіе, странники). Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорѣгою онъ разсказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатить своимъ обидчикамъ и какъ наградить старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы(мѣшки) стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскіе хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь! сказалъ панъ; развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ! «Врѣте, скоты! я — вашъ панъ!»

— Ну, братъ, погоди маленько! Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Капъ услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ея мужемъ, разгнѣвалась и приказала выстѣчь его плетью и зарыть живаго въ землю. Чтò ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ», и при чтеніи дьякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Та-же мысль, которая дала содержаніе настоящей легендѣ, выражена и во многихъ духовныхъ стихахъ (см. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 183—5, 208 и 211):

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
 По его по душеньку по Лазареву.
 Вынимали душеньку честно и хвально,
 Честно и хвально въ сахарны уста;
 Да приняли душу на пелену,
 Да вознесли-же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его по душу по богачёву;
 Вынули его душеньку не честно, не хвально,
 Не честно, не хвально, скрозь рёберъ его,
 Да вознесли-же душу вельми высоко,
 Да ввергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоё злую муку, въ геенскій огонь.

27. КУМОВА КРОВАТЬ. — 28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

Подробности, встрѣчаемыя въ этихъ двухъ легендахъ, нерѣдко соединяются въ одинъ рассказъ: грѣшникъ, уstraшеннѣйшій тѣмъ огненнымъ ложемъ, которое ожидаетъ его по смерти и о которомъ упоминаетъ первая легенда, предается покаянію и подвергаетъ себя той трудной эпитиміѣ, о которой читаемъ во второй легендѣ. Таковы редакція польская и литовская, на которыя сейчасъ будетъ указано; но прежде приведемъ бѣлорусской вариантъ:

Быу панъ и пани. Гэтыи панъ ѣхау дарогой и заблудзиу у лѣсѣ. Заблудзиу у лѣсѣ и споткаусе (встрѣтился) съ чортомъ, и просе ягò, кабъ јонъ показау ямù дарогу. Той чортъ сказау ямù: «дай мнѣ на письмѣ, што у дванадцаць годоу одласи мнѣ то, чаго дома не покидау.» Јонъ дау картачку (письмо, росписку). Пріѣхау панъ дамоу, ажъ ягò жонка родзила сына. Ну, дыкъ той панъ узаяся за галаву, што у дванадцаць лѣтъ треба аддаць сына у пекла (адъ). Якъ пришло время, сынъ и каже: «я пайду у пекла, кабъ чортъ аддау мнѣ тую картачку, што бацька дау ямù.» Узая јонъ вады свящонай и кеёншку (книжку — здѣсь разумѣется: евангеліе), и приходзе до пекла, и зачау той вадой свянциць. Ажъ выходзе чортъ, пытаетца, хто тутъ такіи? Јонъ каже: «я иду по тую картачку, што ты узая у бацьки.» Дыкъ яны и аддали ямù, сказали: иди сабѣ! Јонъ идзе дамоу пиразъ (черезъ) лѣсѣ, ажъ у тымъ лѣсѣ стоиць хатка, а у тѣй хатцѣ разбойникъ. Пытаетца разбойникъ: «гдѣ ты быу?» Јонъ кажець ямù: «у пеклѣ». Гэтой разбойникъ каже ямù: «верниси изноу у пекла, пытайсе тамъ, што мнѣ будзе, што я цѣлыи вѣкъ усѣ людзей рѣжу». Јонъ стау з' нимъ спиратца (спорить): «не пайду у пекла!» — Якъ ты не пайдзешъ? я уснихъ людзей бью, дыкъ

и тебе забью, кали не пайдзешь. Ну, јонъ пашоу у пекла изноу и пытаетца, што гэтому разбойнику будзе, што јонъ людзей рѣже? Черти сказали яму: «якъ јонъ людзей рѣже, такъ и ягò рѣзаць будуць». Іонъ вернусе съ цекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «якъ ты людзей рѣзау, такъ и тебе рѣзаць будуць!» Дыкъ јонъ просе выспавядаць ягò. Той мальчикъ каже: «я не ксѣндзъ (священникъ) тебе спавядаць». — Кали не будзешь спавядаць, я тебе зарѣжу! Ну, јонъ зачау спавядаць ягò. Разбойникъ каже, кабъ покуту (эпитимья, покаяніе) задау. Іонъ пашоу у лѣсъ з' нимъ, знашоу сухую яблыну и кажець: носи съ своей хатци воду у губѣ (во рту) на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки яна ни отжи-вещь и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забиу, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька оддау ягò учитца; јонъ выучиуся и высвянциуся на ксѣндза (посвятился въ поны). Ёдзе јонъ дамоу са школы празъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, — ажъ подъ тѣй яблыной ляжиць умершій разбойникъ. Іонъ узяу ягò, павѣзъ съ собой и сховау (схоронилъ) подъ церквой.

Г. Кулишъ внесъ малороссійскій вариантъ этой легенды въ сказаніе о странствованіи по тому свѣту (Записки о южной Руси, т. I, стр. 309—111): Былъ гайдамака, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ старого и малаго, а послѣ одумался, пошелъ исповѣдаться; ни одинъ попъ не рѣшился наложить на него очистительной эпитимьи. «Дали почуѣвъ, що есть десь такій піщъ, що ще маленькимъ батько продавъ ёго нечистому, за те, що помігъ у дорозі вірятовати вѣза съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ... Іде, ажъ той піщъ и іде ёму назустрічъ. Питаєтця: чи ти бѣувъ у пеклі? — Бувъ. — А чи бачивъ же ти тамъ мою дѣшу? — Бачивъ. — Щожъ

вона тамъ рѣбить? — Гадъ рукамі зъ ями до ями но́сить, а чорті остями її поганяють». Сталъ каяться гайдамака, тридцать лѣтъ трудился онъ — и выросла яблоня, на ней все серебряныя яблоки, а два золотыхъ. Пріѣхаль попъ. «Ну, ка́же, труси! Струснѣвъ гайдамака яблуню — усі серібні яблука обсыпались, а двѣ золотыхъ висять... — Оцѣ-жъ твоі два грѣхи висять, що ти отця й матірѣ убивъ!» Такъ и умеръ гайдамака, непрощенный въ этихъ двухъ грѣхахъ, и мучится онъ на томъ свѣтѣ горше все́хъ другихъ грѣшниковъ: «усімъ буде колісь пільга, а ёму не буде!»

Въ польскомъ народномъ разсказѣ о разбойникѣ Мадей (Повѣсти и преданія народовъ славян. племена, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—135) и въ литовскомъ о студентѣ, который ходилъ на небо и въ адъ (*Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Weimar. 1857 г., стр. 75—79*), покаяніе грѣшника не остается неслышаннымъ, и Господь прощаетъ ему все тяжкія преступленія. Разбойника ожидала на томъ свѣтѣ страшная постель: раскаленная рѣшетка, вся изъ иглъ, острыхъ ножей и бритвъ; снизу пылалъ неугасимый огонь, сверху капала горящая сѣра. Ужаснулся Мадей и обрекъ себя на трудное покаяніе: воткнулъ въ землю свою убійственную палицу и преклонилъ колѣна, съ обѣтомъ — не сходить съ мѣста, пока не получитъ отъ Бога прощенія. Прошло много, много времени: изъ палицы выросла яблоня, разцвѣла и дала обильные плоды. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей узналъ въ немъ того самаго мальчика, который нѣкогда ходилъ въ адъ, и умолялъ его дать ему разрѣшеніе грѣховъ. Въ то время, какъ исповѣдывалъ онъ свои старые грѣхи, — яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго онъ за-

мучилъ страшнымъ образомъ; но боялся признаться въ беззаконіи. Наконецъ Господь услышалъ исповѣдь сокрушеннаго сердца. Яблочко мгновенно превратилось въ сизаго голубя, который исчезъ въ слѣдъ за другими.» См. также *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 176—8. Это преданіе о превращеніи душъ, убитыхъ Мадеемъ, въ голубей тѣсно связано съ древне-языческимъ представленіемъ души человѣческой въ образѣ птицы, о чемъ подробнѣе смотри въ статьѣ моей, помѣщенной въ приготавливаемомъ г. Калачовымъ 3-мъ томѣ Архива историко-юридич. свѣдѣній о Россіи ¹⁾).

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянству произносится строгое осужденіе, какъ такому пороку, который потемняетъ человѣку разумъ и вызываетъ его на всевозможные грѣхи и преступленія. По свидѣтельству напечатанныхъ нами легендъ и лубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную, и вмѣстѣ съ сатанюю будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. «Нѣкоторый человѣкъ пьяница (читаемъ подъ однимъ лубочнымъ изображеніемъ) пропился на кружалѣ до нага и рече: не знаю что пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволь во образѣ человѣческомъ, и рече ему: что, человѣче, думаеши?—А то я думаю: не знаю что съ себя пропить! аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволь ему денегъ. Пьяница сълъ и началъ пить, не помышляше о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда

¹⁾ Въ Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности (СПб., 1832 г., изд. 2-е, стр. 299—345) народная легенда о кающемся разбойникѣ передѣлана г. Олиннымъ въ повѣсть, но весьма неудачно.

рече діаволь: аще кто купитъ коня, подобаеъ ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди!—свидѣтели: купилъ азъ у сего челоувѣка душу, то подобаеъ взяти мнѣ и тѣло. И нападе на людей страхъ велий. Діаволь же взявъ піяницу и потащилъ во адъ на мѹку вѣчную». ¹⁾ На опойцахъ черти возать на томъ свѣтѣ дрова и воду (см. № 27 «Кумова кровать»). Самая выдумка высиживать хлѣбное вино приписывается дьяволу. Въ сатирической «Повѣсти о многоумномъ Хмѣлю» встрѣчаемъ слѣдующее преданіе: «Въ древнее время былъ челоувѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ челоувѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну челоувѣческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Нюю Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Нюю сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходить и что дѣлаеъ... Дьяволь сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходить Ной, мужъ твой? Она же сказала ему: крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны. Дьяволь же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вѣтсея по деревьямъ; имя ей хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напой, и онъ повѣдаеъ тебѣ все, куда ходить и что дѣлаеъ. И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить. Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: вѣтъ ли еще? Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: куда, господине мой, ходишь и что творишь? Ной и разсказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ

¹⁾ См. легенду «Пустынникъ» (№ 24) и другую лубочн. картину: «О піянствѣ сказать безъ прѣмѣсу—отъ мастеровыхъ вдалсе бѣсу».

плакать. И явился ему ангелъ Господень, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ» ¹⁾). Въ сборникѣ Боричевскаго (Народ. слав. рассказы, стр. 167—182) находимъ любопытный бѣлорусской рассказъ такого содержания: жилъ былъ бѣдной мужикъ; взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; хватъ—а хлѣба вѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ; никого не видалъ, а краюшку кто-то унёсъ. А, на здоровье ему! авось съ голода не умру.» Пришелъ чортъ въ цекло и рассказалъ обо всемъ нѣбольшему дьяволу. Не понравилось сатанѣ что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему на здоровье! И послалъ онъ назадъ чорта: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлѣбъ; въ мокрое, дождливое лѣто засѣялъ по отлогимъ горамъ—у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать да вискивать горькуху, и таки умудрился! Послѣ отъ него всѣ переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту!

Подобный-же рассказъ о происхожденіи хлѣбнаго вина существуетъ и между татарами нижегородской губерніи, съ такимъ дополненіемъ: приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Отъ того если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1856 г., № 13, стр. 21—23 (статья г. Буслаева). Сличъ съ легендою о Ноѣ Праведномъ (№ 14). См. также Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пыпина, стр. 204—5.

него гладенькой, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотришь; а много выпьетъ — сдѣлается у него свирѣпой, волчій нравъ; а еще больше выпьетъ — и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ.

Кромѣ того, поселяне наши отъ души вѣрятъ, что нечистой всегда подстерегаетъ пьянаго и готовъ затащить его въ болото или въ трущобу. Одному, напримѣръ, мужику случилось позднимъ вечеромъ ворочаться домой съ веселой пирушки. На встрѣчу ему незнакомой. «Здоровъ будь!» — Здравствуй! Слово за слово — «зайдемъ ко мнѣ, говорить встрѣчной; обогрѣежся и выпьемъ по чаркѣ, по другой.» — Отчего не выпить! Пришли. Взялся мужикъ за чарку, и только перекрестился — глядь! стоять по горло въ омутѣ, въ рукахъ колъ держать, а товарища какъ не бывало!

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Легенда эта распадается на двѣ части. Вторая ея половина, содержащая въ себѣ разсказъ о садовникѣ Иванѣ Шолудивомъ, есть не что иное, какъ вариантъ весьма распространенной въ народѣ сказки, героемъ которой является Незнайка. Первая же половина носитъ чисто-легендарный характеръ, и составляетъ отдѣльное цѣлое. — Въ собраніи В. И. Даля находится апокрифическая

ПОВѢСТЬ О СЫНѢ КРЕСТНОМЪ, КАКО ГОСПОДЬ КРЕСТИЛЪ МЛАДЕНЦА УБОГАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живяше нѣкій убогій человекъ во всякомъ убожествѣ, и по времени

¹⁾ Очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника; но къ сожалѣнію свидѣній объ этой рукописи не сообщено.

жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «поди позови восприемника, кто-бъ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто-же къ нему не идетъ; скудости ради гнушаются. Онъ-же поиде въ домъ свой горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицомъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «чадо! что зло плачуши? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той-же рече ему: «како мнѣ не плакати! родися у меня сынъ, не изыщу къ себѣ—кто-бъ былъ восприемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моею ради гнушаются мною». Той-же пресвѣтлый мужъ рече ему: «гряди, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждаты; азъ восприемникомъ гряду и окрещу твоего дѣтища». Убогий же поклонися ему до земли... Прииде тотъ свѣтлый мужъ-нарѣченный кумъ, рече іерею: «отче святыи! азъ хошу восприемникомъ быть и окрестить сего младенца». Приемъ отъ іерея благословеніе, и окрестиша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златницы... Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопросиша родителя своего: «есть ли у меня отецъ крестный?» Мать его рече ему: «чадо! отецъ твой тако безуменъ: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позовалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы его по сіе время не имамъ знати». Младенецъ-же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И прииде празникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ прииде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣ-же Спасителевъ образъ; зрѣтъ на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго: не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отпѣли утреню, и прииде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украсенъ лицомъ, аки солнце сіяюще, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу:

«сыне мой крестный, Христось воскресе!» И поцѣловаль младенца и даша ему два яйца. Младенець-же отвѣща: «воистинно воскресе!» Тако-жь мужь вопроша младенца: «знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенець рече ему: «отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рече ему свѣтлый изрядный мужь: «азь есмь отецъ твой крестный»... Младенець-же прииде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоватися, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуса и между собою глаголаху: «такovýchъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтица своего: «кто ихъ тебѣ даде?» Онъ-же рече: «отецъ мой крестный даде мнѣ». — Како тебѣ отца крестнаго знати?... Младенець рече имъ съ клятвою: «воистинно далъ мнѣ отецъ мой крестный». Егда младенець поиде къ литургіи и вниде въ церковь, и ста въ томъ же мѣстѣ, зря на Спасителявъ образъ, со слезами и со всякимъ умиленіемъ молящеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божію, и виде младенець: церковное небо растворилось и много тѣрущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ... И предстоящему народу никому невидимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятаго неба. И младенець ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенець, яко палата украшена, въ ней-же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенець, яко палата украшена лѣпотою паче нервыя, въ ней-же сѣдяше пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и содѣяно въ ней двѣнадцать престоловъ, украшены серебромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посередѣ единъ престолъ превыше

всѣхъ, предѣянъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Иисуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держить скипетръ, судить дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю». И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыти въ иную палату. Младенецъ-же одѣйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творить добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й судъ.

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяше святую церковь ограбити, и рече: повели, Господи, церкви обрушиться и подавить грабителей. И того часу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяше нѣкоторую обитель разбити, и рече: повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель. Того-часа корабль погрузишася въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго купца, богатаго чловѣка, во хранинѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: повели, Господи, сей хранинѣ

обрушиться и подавити прелюбодѣвъ. И того часа повалилась храмина, и съ ними много неповинныхъ безъ покаянія подавила.

4 й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творять много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю. И того часа бысть такъ: погибоша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь-же умилосердися надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, и внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ ты безъ покаянія народу на землѣ трить мы тысячъ человѣкъ; аще-бъ ты еще тако-же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ, ... не хочу смерти грѣшника и ожидаю покаянія...» И взыде Господь на престолъ свой, и приеъмъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возложи на себя, и приеъмъ въ руцѣ скипетръ, и сяде на престолѣ своемъ, и нача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя... Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители-же вопроша его: «гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «азъ былъ въ домѣ отца моего крестнаго». Они-же не поняша ему вѣры: «чадо! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «воистинно я былъ у него!»

Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженника были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

Народная нѣмецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» имѣетъ близкую связь съ этою апокрифическою повѣстью. Портной приходитъ къ дверямъ рая и упрасиваетъ апостола Петра впустить его на небо. Сначала тотъ не соглашается; но послѣ — тронутый чувствомъ состраданія — отворяетъ для него райскія врата: портной долженъ тихо и смиренно усесться въ уголку за дверями, такъ чтобы Господь не замѣтилъ его присутствія и не разгнѣвался. «Der Schneider gehorchte, als aber der heilige Petrus einmal zur Thüre hinaus trat, stand er auf, gieng voll Neugierde in allen Winkeln des Himmels herum und besah sich die Gelegenheit. Endlich kam er zu einem Platz, da standen viele schöne und köstliche Stühle und in der Mitte ein ganz goldener Sessel, der mit glänzenden Edelsteinen besetzt war; er war auch viel höher als die übrigen Stühle, und ein goldener Fuss-schemel stand davor. Es war aber der Sessel, auf welchem der Herr sass, wenn er daheim war, und von welchem er alles sehen konnte, was auf Erden geschah.» Портной сѣлъ на золотое кресло, взглянулъ на землю «und bemerkte eine alte hässliche Frau, die an einem Bach stand und wusch, und zwei Schleier heimlich bei Seite that. Der Schneider erzürnte sich bei diesem Anblicke so sehr, dass er den goldenen Fuss-schemel ergriff und durch den Himmel auf die Erde hinab nach der alten Diebin warf... O du Schalk, sprach der Herr, wollt ich richten wie du richtest, wie meinst du dass es dir schon längst ergangen wäre? ich hätte schon lange keine Stühle, Bänke, Sessel, ja keine Ofengabel mehr hier gehabt, sondern alles nach den Sündern hinabge-

worfen. Fortan kannst du nicht mehr im Himmel bleiben, sondern musst wieder hinaus vor das Thor: da sieh zu wo du hinkommst. Hier soll niemand strafen, denn ich allein, der Herr.» (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 35.)

Есть также легенда о крестницѣ Пресвятой Дѣвы: въ прекрасномъ сборникѣ норвежскихъ сказокъ (Norwegische Volksmärchen. gesammelt von P. Albjörnsen und Jörgen Moe, ч. 1, № 8) находимъ одну подъ заглавіемъ «Die Jungfrau Maria als Gevatterinn». У одного бѣднаго человѣка родилась дочь; долго искалъ и просилъ онъ, чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; всѣ знали, что онъ бѣденъ, и никто не соглашался. Тогда предстала ему прекрасная жена, въ великолѣпномъ одѣяніи, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила дѣвочку и взяла ее съ собою. Прошло много годовъ; дѣвочка выросла и поумнѣла. Однажды крестная мать собралась въ путь. «Ты можешь, сказала она крестницѣ, ходить по всему дому; не входи только въ эти три комнаты.» Любопытная дѣвушка нарушила приказаніе, и заглянула въ одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, какъ вдругъ улетѣла оттуда звѣзда. Воротясь домой, крестная мать хотѣла прогнать виновную, но дѣвушка такъ горько плакала и такъ упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и послѣ того не выдержала крестница испытанія, и заглянувъ во вторую запретную комнату, видѣла, какъ улетѣлъ оттуда мѣсяцъ: и на этотъ разъ ей удалось вымолить себѣ прощеніе. Наконецъ рѣшилась она отворить дверь и въ третью комнату, и только отворила, какъ улетѣло оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей: «выбирай какое хочешь наказаніе: или будешь ты нѣмою, но за то красивѣе всѣхъ женщинъ, или сохранишь даръ слова, но сдѣлаешься самою безобразною». Дѣвушка выбрала первое. Нѣмая — она должна была покинуть свой счастливый пріютъ и искать себѣ другаго пристанища. Долго шла она тем-

нымъ лѣсомъ, и когда настала ночь—взгля на дерево, возлѣ котораго протекалъ источникъ; съѣла на его вѣтвяхъ и крѣпко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка изъ королевскаго замка, и только хотѣла почерпнуть—глазамъ ея представился прекрасный образъ дѣвушки, отражавшійся въ чистомъ зеркалѣ источника. Это я! подумала она, бросила ведро, воротилась домой и сказала: «я слишкомъ хороша, чтобы таскать воду!» Пошла другая служанка, и съ нею случилось тоже. Пошелъ самъ королевичъ, желая узнать—въ чемъ дѣло. Онъ увидѣлъ красавицу, взялъ ее во дворецъ и сдѣлалъ своей женою. Когда родилось у нихъ первое дитя, въ то время невидимо явилась ея крѣстная: разрѣзала ребенку палець, вымазала родильницѣ его кровью ротъ и руки, а самаго ребенка взяла съ собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «жена твоя вѣдьма! ты видишь—она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтобъ ее немедленно предать сожженію. Но принцъ такъ сильно любилъ свою подругу, что не въ силахъ былъ разстаться съ нею, и потому простилъ ее. Тоже самое случилось и со вторымъ его ребенкомъ, и съ третьимъ. Что могла сдѣлать несчастная, обвиняемая въ смерти своихъ дѣтей? Она была нѣма, и ни одного слова не могла вымолвить въ свое оправданіе. Королевичъ приговорилъ наконецъ свою жену къ страшной казни сожженія, и вотъ повели ее на костеръ... Въ ту самую минуту явилась ей крѣстная мать. «Я—Дѣва Марія, сказала она; и какъ тебѣ было тяжело лишаться своихъ дѣтей, такъ мнѣ было тяжело твое непослушаніе, когда ты выпустила звѣзду, мѣсяцъ и солнце. Но теперь ты ужь довольно наказана!» Тутъ возвратила она своей крестницѣ и даръ слова и троихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ всѣ они жили въ радости и счастіи.

Подобные-же рассказы встрѣчаются и у другихъ народовъ: см. *Volklieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 179 — 181. Между валахскими сказками (*Walachi-*

sehe Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 2) есть одна слѣдующаго содержанія:

Жиль бѣдной дровосѣкъ. Съ горя и нищеты думалъ онъ уже повѣситься на деревѣ, какъ явился чортъ. «Что ты хочешь дѣлать?» спросилъ нечистой. — Хочу повѣситься, отвѣчалъ бѣднякъ; я не въ силахъ болѣе таскать дрова. Чортъ обѣщалъ ему доставить много золота и серебра, если онъ обѣщаетъ уступить ему то, что первое встрѣтитъ его вечеромъ при возвращеніи домой. Дровосѣкъ согласился. Когда подходилъ онъ къ своей избѣ, на встрѣчу къ нему выбѣжала дѣвочка, его единственное дитя, и съ радостью сказала: «скорѣй, отецъ! посмотри, что за чудо сотворилъ Господь съ нами: подстилка, насланная для козъ, и клочки пряжи, брошенные на-земь, — все превратилось въ чистое золото». На другой день поутру повелъ дровосѣкъ свою дочь на то самое мѣсто, гдѣ являлся ему чортъ; тамъ приказалъ ей дожидаться своего прихода и оставилъ ее одну. Дѣвочка сѣла на травѣ и прождала до вечера. Боязнь овладѣла ею, и она готова была заплакать; въ то время явилась святая Дѣва Марія и спросила: кого она ждетъ? Потомъ прибавила: «о мое дитя! твой отецъ не воротится, онъ за богатство уступилъ тебя дьяволу, который возьметъ тебя и унесетъ съ собою». Горько заплакалъ въ ужасѣ бѣдной ребенокъ. «Смотри, дочь моя! сказала Богоматерь, утѣшая дѣвочку; я начерчу около тебя кругъ, за который ты не должна выходить. Когда я удалюсь, адъ пошлетъ за тобою своихъ слугъ, но будь мужественна — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ.» Затѣмъ Св. Дѣва начертила кругъ и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но всѣ ихъ усилія были напрасны: они не могли переступить таинственнаго круга; когда снова явилась Св. Дѣва, они ни минуты не могли вынести ея сіянія и тотчасъ-же разсѣялись въ разныя стороны. Св. Дѣва, взяла дѣвочку за руку, привела въ чудесный садъ, среди котораго

стоялъ великолѣпный домъ, и дала ей четыре ключа. «Этими ключами, сказала она, ты можешь отворить все двери и гулять по всемъ комнатамъ; только не входи, дитя мое! въ ту комнату, что отпирается этимъ деревяннымъ ключемъ.» Но дѣвочка нарушила заповѣдь, отворила дверь въ запретную комнату и видѣла, какъ Богоматерь исцѣляла раны своего божественнаго сына. Въ гнѣвъ изрекла Св. Дѣва: «да разверзнется земля и да поглотитъ неблагодарную!» — Нѣтъ, сказалъ Спаситель, пусть она заплатитъ за это другимъ наказаніемъ. Св. Марія привела ее въ мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово, и удалилась. Долго жила она въ этой пещерѣ. Случилось однажды — охотился вблизи королевичъ, зашелъ нечаянно въ пещеру и увидѣлъ дѣвушку. На все вопросы его, она не отвѣчала ни слова; не смотря на то, пораженный ея красотой, королевичъ женился на ней. Черезъ годъ она родила ему двухъ прелестныхъ золотыхъ мальчиковъ. Ночью, когда и мать и няня спали, пришла Св. Дѣва и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидѣла, что дѣтская постелька пуста, она сильно испугалась королевскаго гнѣва; поймала гуся, вызолотила его, посадила на постель, и донесла, что жена королевича — злая вѣдьма, что она родное свое дитя превратила въ гуся. Король сильно разгнѣвался на свою невѣстку и пришелъ къ ней въ комнату, чтобы разузнать все дѣло; но тщетно, онъ ничего не добился отъ несчастной матери, кромѣ слезъ. На слѣдующую ночь Пречистая Дѣва взяла и другаго ребенка; проснувшись, няня сдѣлала тоже, что и прежде. Тогда король созвалъ судъ, и приказалъ судить королевну. Рѣшено было замуровать ее живою въ каменную стѣну. Приговоръ былъ исполненъ. Уже положили послѣдній камень надъ ея головою, уже отчаянье проникло въ ее измученную душу, — въ то время явилась Пречистая Дѣва, возвратила ей дѣтей, дала позволеніе говорить и надѣлила

пищею. Цѣлые три года пробыла королева въ каменной стѣнѣ; наконецъ принцъ не могъ долѣе противиться своей любви, разрушилъ стѣну и нашелъ свою жену и дѣтей. Съ тѣхъ поръ они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собраніемъ В. И. Даля, приводимъ оттуда русской народной разсказъ, въ которомъ тоже содержаніе передается почти съ тѣми-же подробностями и обстановкою:

Жилъ-былъ мужикъ; до того обѣднялъ, что остался у него одинъ сундукъ, и тотъ порожній. Что теперь дѣлать? держитъ онъ въ умѣ; ѣсть нечего, купить нѣ на что! Кажись, родную-бъ дочь свою продалъ, да кому ее надобно? Только подумалъ, какъ вдругъ входитъ въ избу Пречистая Дѣва и говорить: «здравствуй, мужичекъ! продай мнѣ свою дочь». Что за диво! подумалъ мужикъ, еще ни слова не говорилъ, а ужъ ей вѣдомо! «Отчего не продать! сказалъ онъ; купи — твоя будетъ. — Взялъ мужикъ деньги и отдалъ дочь. Пресвятая Богородица привела ее въ высокіе хоромы, и говорить: «оставайся здѣсь и живи съ мнромъ. Если соскучишься — вотъ тебѣ ключъ, отопри эту дверь и ступай гулять: тамъ тебѣ будетъ весело». Дѣвочка отворила дверь и вошла въ большой-большой садъ: какихъ только цвѣтовъ и деревьевъ въ немъ ни было! Цѣлой мѣсяцъ пробыла здѣсь дѣвочка, и все не могла насмотрѣться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дѣва другой ключъ: «будетъ скучно — отопри эту дверь и полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка другую дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ птицъ, точно са всего свѣта сюда собраны. Вѣкъ бы глядѣлъ на нихъ — не наглядѣлся, вѣкъ бы слушалъ ихъ сладкое пѣніе — не наслушался. Опять прошло много времени, и даетъ ей Пречистая Дѣва третій ключъ: «будетъ скучно — ступай въ эту дверь, полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка третью дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ звѣ-

рей: все звѣри ласковые да красивые; стала она играть съ ними, и на ихъ скачки, на ихъ прыжки долго не могла налюбоваться. Послѣ отдала ей Пресвятая Богородица всѣ ключи, и говорить: «позволяю тебѣ вездѣ ходить и все смотрѣть; только туда не ходи, гдѣ мѣдной замѣкъ на двери виситъ». Вотъ дѣвочка и стала про себя думать: «что это такое — вездѣ я хожу, на все я смотрю, а тамъ не была, гдѣ мѣдной замѣкъ виситъ? Дай хоть немножко загляну!» И только чуфъ отворила дверь, какъ ударило оттуда пламя, и она едва успѣла убѣжать въ сторону. «Гдѣ ты была, что видѣла?» стала спрашивать Пречистая Дѣва. — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, отвѣчала дѣвочка. «Если ты не признаешься, я сдѣлаю тебя и глухою, и нѣмою.» — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, повторила дѣвочка. Пречистая Дѣва сдѣлала ее глухою и нѣмою, и отвела въ густой и темной лѣсъ.

Долго ходила она по лѣсу, притомилась, приустила, и залѣзла въ дупло отдохнуть. На ту пору охотился тутъ царской сынъ; наѣхалъ онъ на дупло и увидѣлъ дѣвочку. Засмотрѣлся на ея красоту и сталъ спрашивать: кто она и какъ сюда попала. Сколько ни спрашивалъ, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевичъ велѣлъ своимъ людямъ взять ее съ собою, и привезъ ее во дворецъ. Дѣвочка выросла и крѣпко полюбилась царевичу; захотѣлъ онъ на ней жениться, сказалъ отцу и матери; они и говорятъ ему: «любезной сынъ! мы съ тебя воли не снимаемъ; а совѣтъ нашъ такой: что за охота брать за себя нѣмую? женись-ка лучше на царевнѣ, али королевнѣ». Но царевичъ такъ неотступно упрашивалъ, что дѣлать нечего — и отецъ и мать согласились, и дали ему свое родительское на вѣки нерушимое благословеніе. У царя не пиво варить, не вино курить; веселымъ пиркомъ да за свадебку, отпраздновали и стали жить въ радости. Ровно черезъ годъ родила молодая сына; но въ ту-же ночь, какъ скоро за-

снули всѣ крѣпкимъ сномъ, пришла Пречистая Дѣва, разбудила жену царевича, и сказала: «я разрѣшаю твой языкъ, признайся только, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» — Я ничего не видала. Тогда Пречистая Дѣва сдѣлала ее опять глухою и нѣмою, взяла ея ребенка и унесла съ собой. На утро спрашиваетъ царевичъ о сынѣ; мамки и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали, и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь съ царицею стали ему говорить, что жена его—злая вѣдьма, сама изгубила свое милое дѣтище, и что слѣдуетъ казнить ее. Царевичъ началъ слѣзно упрашивать своихъ родителей, и они сжалились на его слезы и простили невѣстку. Черезъ годъ родила она другаго сына; ночью явилась Пречистая Дѣва, и унесла съ собой и другаго ребенка. Еще черезъ годъ родился у царевича третій сынъ, и съ нимъ случилось тоже самое. Тогда царь сильно разгнѣвался и приказалъ казнить царевичеву жену жестокою казнію. Повели ее казнить; ужь все готово: и топоръ, и плаха! Въ то самое время явилась Пресвятая Богородица съ тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «признайся, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» Тутъ только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дѣва простила грѣшницу, разрѣшила ей языкъ и отдала дѣтей. Послѣ того царевичъ сталъ съ своею женою жить, да поживать, да добра наживать, а какъ умеръ его отецъ — онъ сдѣлался царемъ, и правилъ народомъ долго и милостиво.

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Вариантъ этой легенды напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 года (см. «Шесть малороссійскихъ простона-

родныхъ балладъ» Л. Боровиковскаго — № 2, смѣсь; стр. 50 — 51):

«Славный у старыхъ пацовъ былъ Ярёмка-кузнецъ: бывало, сдѣлаеть серпь-ли, къ дверямъ рукоятку-ль, задвижку, крючокъ-ли, завѣски-ли къ скрынѣ — ну такъ вѣдь прехитро украсить рѣзбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!... Ну, а кузница-то у Ярёмки: право, и хата другая не будетъ просторнѣй и краше... Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ на холстѣ намалеванный чортъ, повѣшенный кверху ногами, ну да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнаеть: чортъ да и чортъ тебѣ! чорный, съ рогами, съ предлиннымъ хвостомъ, съ бороною, съ калиткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами. Чорта Ярёмка повыпачкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего искололъ, изцарапалъ. Если Ярёмка куётъ — ужь онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной повернуться... А если и глянетъ, бывало, на чорта, то вѣрно, чтобы плюнуть на чортову харю.» Чортъ разозлился и рѣшился отомстить. Вотъ нанялся въ кузницу новой работникъ, цыганъ, и какой работникъ! Десять противъ него не сработаютъ; Ярёмка только смотреть да деньги считаетъ. Приѣхалъ однажды къ Ярёмкѣ хромой атаманъ. Цыганъ предложилъ ему сковать ногу. Атаманъ согласился. «Цыганъ пригораздилъ къ жаровнѣ хромую ногу; ударилъ молотомъ, спрыснулъ водою, посыпалъ пескомъ. Атаманъ лишь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ присядку!... Съ этой поры къ кузнецу приносили не ломъ да желѣзо, а увѣче, недугъ да калѣчество.» Много перековалъ цыганъ: стариковъ и старухъ въ молодыхъ, калѣкъ въ здоровыхъ, безобразныхъ въ красавцевъ. «Какъ-то работникъ-цыганъ отлучился; а баринъ Ярёмкинъ, дряхлой старикъ, приходитъ къ Ярёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ молодцы. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ его въ мѣшокъ, под-

ложилъ угольковъ въ жаровню, и бросивъ въ горнило, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня обгорѣлыя кости... Цыганъ пропалъ безъ вѣсти! Ужъ палачъ и Сибирь ожидаютъ Ярёмку.» Велѣлъ онъ позвать священника съ молитвою; вотъ священникъ прочиталъ молитву, сталъ кропить святою водою и прямо попалъ въ намалеваннаго чорта. Вдругъ откуда ни взялся — пришелъ цыганъ, вызвалъ Ярёмку и сказалъ: «что хочешь надо мной дѣлай, глумись и ругайся, только не кропи святой водою! Сейчасъ приведу твоего барина». Скоро явился баринъ молодець-молодцомъ! Ярёмку простили, а работникъ его сгинулъ безъ вѣсти. Ярёмка снялъ чортовъ портретъ и швырнулъ въ огонь: съ той поры чортъ почернѣлъ еще хуже, и любимымъ мѣстомъ его стали кузнечныя трубы.

Смотри также легенду «Пустынникъ и дьяволъ» (№ 20, б).

Въ нѣмецкой сказкѣ «Das junggeglühte Männlein» (Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 147) совсѣмъ иначе обставлено преданіе о перековкѣ дряхлыхъ стариковъ въ юношей, полныхъ силъ и здоровья; здѣсь оно связывается со Христомъ и апостолами. Однажды шелъ Господь по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Дѣло было къ вечеру, и они попросились ночевать къ кузнецу. Случилось, что въ тоже время пришелъ туда за милостиной бѣдной нищій, совсѣмъ-согнувшійся отъ старости и недостатка силъ. «Господи! сказалъ св. Петръ, даруй ему, чтобы онъ самъ могъ добывать свой хлѣбъ.» Господь приказалъ кузнецу развести огонь: «я желаю, говорилъ онъ, помолодить этого больного старика». Кузнецъ положилъ въ горнило горячихъ угольевъ, св. Петръ принялся за мѣха, и когда все было готово, взялъ Господь стараго нищаго, положилъ его въ горнило на самой жаръ и раскалилъ до-красна; послѣ того бросилъ его въ воду, далъ охладиться горячему тѣлу и благословилъ: и тотчасъ возсталъ нищій здоровымъ,

сильнымъ, молодымъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ. На другой день тоже самое повторяетъ кузнецъ съ полуслѣпою, сгорбленную старухою, но его опытъ оказывается неудачнымъ.

Любопытно то цѣлебное и животворное свойство, какое въ этой легендѣ и во многихъ другихъ народныхъ сказкахъ, приписывается водѣ и огню: это повѣрье, по своему происхожденію, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ, когда обожались стихіи и когда знахарство (лѣченіе больныхъ) входило въ область религіозныхъ священнодѣйствій. Съ принятіемъ христіанства многое изъ этихъ старинныхъ представленій—въ массѣ народа, по преимуществу живущей преданіемъ, было удержано, и сказалося въ ея поэтическихъ созданіяхъ, между тѣмъ какъ самая обстановка нерѣдко заимствовалась изъ иного міра. Такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было и у славянскихъ племенъ. (Сличи съ легендами, помѣщенными въ этомъ сборникѣ подъ № № 4 и 5.)

Norwegische Volksmärchen (ч. 1, № 21) передаютъ сказаніе о кузнецѣ отчасти сходно съ нѣмецкою легендою, напечатанною братьями Гриммами, отчасти съ своеобразными дополненіями:

Кузнецъ заключилъ съ чортомъ договоръ, что ровно черезъ семь лѣтъ готовъ отдаться ему, если на все это время нечистой сдѣлаетъ его первымъ мастеромъ въ кузечномъ искусствѣ. Однажды какъ-то Христось и св. Петръ, странствуя по землѣ, зашли къ этому кузнецу. У него была мать-старуха: съ сгорбленною спиною, съ сморщеннымъ лицомъ, она едва ноги передвигала отъ дряхлости. Господь взялъ ее, положилъ въ горнило и началъ ковать — и старуха сдѣлалась молодою и красивою. Кузнецъ попробывалъ тоже сдѣлать, но ему вовсе не удалась хитрая работа. Раздраженный тѣмъ, что чортъ плохо ему помогаетъ, онъ вздумалъ его проучить. «Прав-

ду ли говорятъ люди, спросилъ кузнецъ нечистаго, что ты можешь на столько умалать себя, на сколько захочешь?» — Правду. «А ну, полѣзай въ этотъ кошель!» — Изволь! сказалъ чортъ, сдѣлался маленькимъ и влѣзъ въ кошель. Но едва онъ влѣзъ туда, какъ въ ту-же минуту кузнецъ затянулъ кошелекъ, завязалъ, положилъ въ горнило и давай поджаривать нечистаго. Чортъ кричать, молить пощады! Не тутъ-то было. «Я не могу тебя избавить, сказалъ кузнецъ; пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо!» Бросилъ кошелекъ на наковальню и ну ударять по нему большимъ молотомъ. Вдоволь натѣшился надъ чортомъ и выпустилъ его: чортъ выскочилъ и давай Богъ ноги! Прошло довольно времени; взялъ кузнецъ свой молотъ и пошелъ искать дороги въ адъ. Шелъ, шелъ, и добрался до перекрестка, гдѣ тропинка раздѣлялась на-двое: одинъ путь велъ на небо, другой въ пекло. Здѣсь повстрѣчался онъ съ портнымъ. «Доброй день! сказалъ кузнецъ; ты куда идешь?» — На небо; а ты куда? «Ну, братъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ: я иду въ пекло.» Распрощались и пошли каждой своею дорогою. Вотъ пришелъ кузнецъ къ адскимъ воротамъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ чортъ, поставленный на стражѣ. — Я тотъ самой кузнецъ, у котораго есть кошель и молотъ. Какъ услышалъ это дьяволъ, сейчасъ велѣлъ запереть двери на всѣ на девять замковъ. «Видно, здѣсь нѣтъ для меня квартиры, подумалъ кузнецъ; пойду въ рай.» Пустился въ дорогу, и достигъ райскихъ воротъ въ то самое время, какъ св. Петръ впускалъ на небо портнаго; но попалъ ли туда кузнецъ — неизвѣстно¹⁾.

Въ «Москвитянинѣ» 1843 года (№ 1, стр. 132 — 140) г. П. К. передалъ со словъ одного казака народную сказку:

¹⁾ О странствованіи портнаго на небо см. нѣмецкую сказку въ *Kinder- und Hausmärchen*, № 35.

«Коваль Захарко». Чортъ позавидовалъ доброму и работающему ковалю и сталъ отзывать отъ него всѣхъ, кто только ѣхалъ къ нему съ работою. Захарко съ горя продался чорту; но съ того времени былъ столь милостивъ къ бѣднымъ и столь набоженъ, что свыше дано ему было во власть два слова: *стань и сядь*. Когда наступилъ срокъ и явилась за нимъ нечистая сила, онъ одному чорту сказалъ: *стань!* а другому: *сядь!* и оба они не могли уже тронуться съ мѣста. Самого сатану посадилъ онъ въ кожаный кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ. (Слпчи съ легендою: «Солдаты и Смерть» — № 16, с.)

32. ВОЛКЪ.

См. Народн. русскія сказки, выпускъ IV, стр. 44—47, 155 — 158, и легенду о бѣдной вдовѣ (№ 3).

Въ сказкѣ «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ», записанной казакомъ Луганскимъ, волкъ обращается съ своими просьбами къ этому святому. Георгій Храбрый между простолюдинами почитается покровителемъ стадъ и начальникомъ волковъ, которымъ раздаетъ приказанія: гдѣ и чѣмъ кормиться. Народныя поговорки говорятъ: «Св. Юрій коровъ запасаетъ», «Егорій да Власъ всему богатству глазъ», «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Существуетъ повѣрье, что волкъ ни одной твари не задавитъ безъ Божьяго дозволенія. Подъ Юрьевъ день, и осенью, и весною, въ курской губерніи ничего не работаютъ изъ шерсти, опасаясь, чтобы волки не поѣли за то овецъ¹⁾. Отъ одного поселяннина слышали мы такой рассказъ:

¹⁾ Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1832 г., № 3, стр. 17—18; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 93; Мязкъ 1844 г., т. XIV.

Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу. Шель, шель, и увидѣлъ большой, вѣтвистый дубъ, а подь нимъ вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и влѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — ѣдетъ св. Георгій, а въ слѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самаго дуба; началъ разсылать волковъ въ разныя стороны, и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пропитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужъ ѣхать: на ту пору тащится хромой волкъ и спрашиваетъ: «а мнѣ-то что-жь?» Егорій говоритъ: «а тебѣ вонъ на дубу сидить!» Волкъ день ждалъ, и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! а волкъ какъ выскочить изъ-за куста: схватилъ его и тутъ-же съѣлъ.

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ.

Слнчи съ началомъ сказки: «Лиса-лѣбарка» (Народн. русск. сказки, вып. IV, № 7) и съ рассказомъ, помѣщеннымъ въ *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz* (ч. 2, стр. 175 — 6) о бѣднякѣ, у котораго было много дѣтей: выросъ дубъ до самаго неба; бѣдной мужикъ влѣзъ на верхушку и давай стучаться. «Посмотри, сказалъ Господь апостолу Петру, кто сюда стучится?» — Кто тамъ? спросилъ св. Петръ. — Я, бѣдной человекъ, у котораго много дѣтей. Апостоль Петръ далъ ему два хлѣба. Въ другой разъ мужикъ выпросилъ себѣ булку; а въ третій разъ былъ прогнанъ палкою. — Чудесныя жорновки, которые даютъ своему хозяину сколько угодно блиновъ и пироговъ, напоминаютъ собой сказочную скатерть-

самобранку (Tuch deck dich). Норвежская сказка упоминаетъ о такой-же мельницѣ:

Въ старое время было два брата: богатой и бѣдной. Наступалъ праздникъ Рождества Христова; у бѣднаго не было ни куска мяса, ни хлѣба въ домѣ; онъ пошелъ къ брату и сталъ просить у него ради Христа. Богатой не очень обрадовался такому посѣщенію. «Сдѣлай то, что прикажу тебѣ, сказалъ онъ, и я тебѣ дамъ цѣлой окорокъ.» — Хорошо, отвѣчалъ бѣдной. Тогда богатой бросилъ ему окорокъ и сказалъ: «возьми и убрись къ чорту!» — Я общалъ, долженъ и выполнить, подумалъ бѣднякъ, взялъ окорокъ и пошелъ въ адъ. Цѣлый день шелъ онъ, и наконецъ увидалъ старика съ длинною бѣлою бородою. «Здѣсь ли дорога въ адъ?» — «Здѣсь. Только послушай: когда ты прійдешь туда, всѣ черти и большіе и малые станутъ покупать у тебя окорокъ; но ты не отдавай его за деньги, а проси въ обмѣнъ старую ручную мельницу, что у дверей стоитъ.» Бѣдной послушался и получилъ мельницу. Воротясь домой, онъ поставилъ ее на столъ, и приказалъ молоть: все, что только онъ ей приказывалъ, сейчасъ-же давала чудесная мельница. Узналъ о томъ богатой, пришелъ торговать мельницу, и купилъ ее за 300 талеровъ. Принесъ домой, и говоритъ женѣ: «ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготовлю». Жена ушла, а мужъ поставилъ мельницу на столъ и приказываетъ, чтобъ молола сельдь и молочной супъ. Начала мельница молоть сельдь и молочной супъ: наполнила всѣ чашки, чугуны, кадки; ужъ и подставлять нечего, а она все мелеть. Какъ не останавливалъ ее богатой, какъ не трудился — ничего не могъ сдѣлать; затопила она всю избу, запрудила цѣлой дворъ и потекло молоко съ сельдями въ открытое поле. Богатой бросился къ брату: возьми назадъ свою мельницу. Тотъ взялъ мельницу и еще въ придачу 300 талеровъ, и сталъ жить весело и счастливо. Забѣхалъ

къ нему однажды корабельщикъ и пожелалъ видѣть мельницу. «Можетъ ли она молоть соль?»—Можетъ. «Продай ее мнѣ.»—Купи. Сторговалъ за тысячу талеровъ, поставилъ ее на корабль, поѣхалъ въ море и заставилъ молоть соль. Тотчасъ-же посыпалась соль и наполнила цѣлое судно; сколько ни старался корабельщикъ—не могъ ее остановить: кучи соли росли выше и выше, и наконецъ потопили корабль со всѣмъ, что на немъ было. Тамъ, на днѣ моря, стоитъ чудная мельница и до сего дня мелеть соль: отъ того-то и солоня морская вода.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	V—XXXII
1. Чудесная молотѣба.	3
2. Чудо на мельницѣ.	5
3. Бѣдная вдова.	—
4. Исцѣленіе.	15
5. Попъ-завидушіе глаза.	19
6. Превращеніе.	23
7. Пиво и хлѣбъ.	25
8. Христовъ братецъ.	30
9. Егорій Храбрый.	32
10. Илья-пророкъ и Никола.	39
11. Касьянъ и Никола.	42
12. Золотое стремя.	43
13. Пятница.	47
14. О Ноѣ Праведномъ.	48
15. Соломонъ Премудрый.	53
16. Солдаты и Смерть.	—
17. Видѣніе.	71
18. Потанька.	74
19. Поѣздка въ Іерусалимъ.	75
20. Пустынникъ и дьяволъ.	—
21. Пустынникъ.	79
22. Повѣсть о бражникѣ.	81
23. Царевичъ Евстафій.	82
24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію.	84
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго.	87
26. Ангель.	88
27. Кумова кровать.	90

	Стран.
28. Грѣхъ и покаяніе.	91
29. Горькой пьяница.	97
30. Крестной отецъ	99
31 Кузнецъ и чортъ.	104
32. Волкъ.	107
33. Пѣтухъ и жорновки.	109
Примѣчанія.	113

GR 190

A22

3 0000 121 028 611